

18+

СВЯЩ. АНТОНИЙ ЛАКИРЕВ

ЧАЮЩИЕ УТЕШЕНИЯ ИЗРАИЛЕВА

свѣщ. Антоній Лакирев

Чающіе утешенія Израилева

«Издательскіе решения»

свят. Антоний Лакирев

Чающие утешения Израилева / свят. Антоний Лакирев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552074-6

Книга включает в себя комментарии к ветхозаветным книгам, написанным в эпоху Плена и после пленное время, в том числе к книгам пророков Иезекииля, Второисаии, Захарии, Малахии и Иоила, а также книгам Неемии, Иова, Экклезиаста и Даниила. В конце книги помещен краткий комментарий к Откровению Иоанна Богослова. Для всех, интересующихся Священным Писанием.

ISBN 978-5-00-552074-6

© свят. Антоний Лакирев
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Осевое время	8
Будут они слушать или не будут	13
О, если бы Ты расторг небеса и сошел	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Чающие утешения Израилева

свящ. Антоний Лакирев

© свящ. Антоний Лакирев, 2021

ISBN 978-5-0055-2074-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Ветхий Завет – трудная книга. Этот сборник текстов формировался на протяжении столетий, так что указать момент, когда он был окончательно зафиксирован, едва ли возможно. Сами же тексты нередко состоят из разнородных отрывков, заметно различающихся по языку и стилю. Идеи и подходы авторов таких отрывков нередко самым недвусмысленным образом противоречат друг другу. Между тем мы обычно хотим считать эту книгу авторитетным источником... Кто-то ищет в ней информацию о событиях прошлого и смущается из-за противоречивости приводимых в Ветхом Завете исторических сведений. Кто-то ожидает найти точные данные о Творце и Его Законе, о Мессии и планах Бога на наше будущее... Однако образ Бога в этой книге как будто составлен из совершенно непохожих друг на друга впечатлений разных людей.

Исследуя происхождение ветхозаветных текстов, мы, как правило, вынуждены интерпретировать документы в зависимости от гипотетической принадлежности их авторов к определенным течениям и школам – но реальные сведения об этом выглядят весьма зыбкими. Отнести ли авторов той или иной книги к течению мудрецов или пророков, законников или поэтов? Далеко не всегда на такой вопрос можно дать убедительный и однозначный ответ... Предсказанное в Ветхом Завете часто исполняется далеко не буквально, а тексты могут отстоять от описываемых в них событий на сотни лет...

Вдобавок мы чаще всего испытываем ощущение полнейшей беспомощности, сталкиваясь со всем этим калейдоскопом царей, эпох, обычаев... Знание контекста ветхозаветных документов давно стало уделом специалистов, которых остальные христиане воспринимают как настоящих чудаков. Многим кажется, что лучше вовсе не обращаться к ветхозаветным текстам: в старых русских семинариях существовало поверье, что прочитавший целиком Ветхий Завет непременно сойдет с ума. И в самом деле, как вынести такое многословие и нагромождение кажущихся совершенно лишними деталей!

И в то же время ни одно из разнообразных христианских течений, кроме разве что самых эксцентричных, не готово реально обходиться без Ветхого Завета. «Исследуйте Писания... они свидетельствуют о Мне», – говорит Господь Иисус Христос именно о Ветхом Завете! Разве можно обойтись без 10 заповедей? Или без Псалтири? Или многого иного?..

Одним словом, Ветхий Завет в самом деле необходимо изучать и комментировать, и в каждом поколении таких комментариев составляется великое множество. Иные носят вполне академический характер, устаревая по мере развития научной библеистики; иные по своей природе ближе к проповеди и тоже устаревают. Порой комментаторы более или менее произвольно отбирают то, что они считают важным прокомментировать, оставляя другие тексты за пределами своего внимания. Существуют, конечно, и многочисленные попытки непредвзято вслушаться в слова этой Книги; нередко при этом приходится усомниться во многом из того, что думали на эту тему древние. Ориентироваться в этом безбрежном океане учености – почти неразрешимая задача.

После Холокоста у многих христиан сложилось горькое ощущение, что мы веками не понимали в Ветхом Завете (и иудействе) чего-то важного, в результате чего Холокост и стал возможным. Скорее всего, это так и есть; принять на себя ответственность за это означает, помимо прочего, попытаться заново перечитать Ветхий Завет в его историческом контексте (и переосмыслить исторический контекст Нового Завета тоже). С середины 20 в. такие исследования предпринимались неоднократно, но каждое поколение нуждается в том, чтобы продолжать эту работу заново, хотя бы отчасти. Кроме того, невозможно переоценить появившиеся во множестве новые переводы Ветхого Завета на современные языки – они сильно расширили наши возможности адекватного понимания текстов.

Книга, которую вы, уважаемый читатель, видите перед собой, содержит (за одним исключением) комментарии к некоторым ветхозаветным текстам, созданным в эпоху Плена и вскоре после нее. Я имею в виду книги, именно в эту эпоху, а не составленные из ранее написанных текстов, как Тора... К каждой главе соответствующих библейских книг в этой книге предлагаются комментарии. В первой главе () кратко рассматривается эпоха, в которую создавались обсуждаемые тексты (6—4 вв. до Р. Х.). Вторая глава () посвящена книге пророка Иезекииля, написанной в первой половине 6 в. до Р. Х. Третья глава () содержит комментарий ко второй половине (главы 40—66) книги пророка Исая, созданной в середине 6 в. до Р. Х. безымянным пророком, традиционно называемым Второисаией. Четвертая глава () посвящена составленной книге, надписанной именем пророка Захарии и появившейся во второй половине 6 в. до Р. Х. Пятая глава () содержит комментарий к книге Неемии, составленной примерно на столетие позже книги Захарии. Книга Неемии по жанру является скорее исторической, а не пророческой, и в ней зафиксирован важный поворот в религиозном сознании того времени. Шестая глава () посвящена книге пророка Малахии, созданной в середине – второй половине 5 в. до Р. Х. Седьмая глава () включает в себя комментарии к книге пророка Иоили, появившейся ориентировочно на рубеже 5—4 вв. до Р. Х. Следующие две главы посвящены наиболее ярким произведениям так называемой литературы мудрых Израиля: восьмая () включает в себя комментарии к книге Иова (рубеж 5—4 вв. до Р. Х.), а девятая () – к книге Экклезиаста (4 в. до Р. Х.). Десятая глава () посвящена книге Даниила (4—2 вв. до Р. Х.) – формально она считается пророческой, фактически же ее авторы и составители относятся к мудрым Израиля. В книгу Даниила включен целый ряд апокалиптических видений и пророчеств, оказавших значительное влияние и на религиозные представления читателей, и на апокалиптику как жанр. Ради относительной завершенности картины после посвященной книге Даниила десятой главы помещена одиннадцатая глава (), содержащая комментарий к Откровению Иоанна Богослова. Откровение, конечно, не относится к ветхозаветным книгам – однако его важно иметь в виду, пытаясь осмыслить ветхозаветные тексты. *созданные Осевое время Будут они слушать или не будут О, если бы Ты расторг небеса и сошел Не воинством и не силой Даем твердое обязательство и подписываем Вестник Завета Раздирайте сердца ваши, а не одежды А я знаю, Искупитель мой жив В поисках смысла Мир в руках Творца Свет Апокалипсиса*

Хотя я старался по мере возможности учитывать данные современной библеистики, предлагаемые комментарии не претендуют на ученость, это скорее размышления; все ошибки и произвольные толкования остаются на совести автора.

Идея составить поглавные комментарии к отдельным книгам Ветхого Завета была предложена мне в конце 2000-х Яном и Натальей Черняк, создателями сайта «Библия-центр» (bible-center.ru), которым я очень благодарен за поддержку, публикацию этих текстов и многолетнюю дружбу. Кроме того, я благодарен Наталье Большаковой и Василию Минченко, издателям альманаха «Христианос», опубликовавшим часть вошедших в эту книгу глав. И, конечно, я благодарен моей жене Елене за неоценимую помощь в работе над текстом и за всю прожитую жизнь.

Осевое время

Середина 1 тысячелетия до Р. Х. – удивительное время в истории человечества; мало можно найти периодов, когда в столь короткий промежуток времени по всему лицу земли одновременно происходили бы столь знаменательные события и при этом жили бы многие пророки и мыслители, навсегда оставившие след в человеческой цивилизации. Разве только 1 век по Р. Х. и рубеж 19—20 веков... Однако, если учесть скорость распространения информации (вернее было бы сказать – медленность ее распространения), «осевое время» все же можно назвать самым поразительным. Для библейской истории этот период был не менее знаменательным, чем для всего человечества в целом. Попробуем вкратце, совсем схематично перечислить лишь самое существенное, что произошло, и, конечно, упомянуть тех, кто жил в это необыкновенное время.¹

Совсем незадолго до этого времени несколько крошечных деревушек латинов, разбросанных на семи холмах в нижнем течении Тибра, соединяются в один, пока еще маленький и слабый, город, которому суждено великое будущее; имя этому городу – Рим. Его полулегендарные цари конца 8—7 вв. до Р. Х. – Тарквиний Древний, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый превращают Рим в сплоченную нацию, а незадолго до начала 6 века царская власть сменяется *res publica*, общественным правлением, которое впоследствии станет образцом и основой едва ли не всей политической культуры человечества. Именно Тарквинии породили тот практический протест против тирании, от которого берет начало наше представление о демократии и социальной справедливости. Политический вывод, который к началу 6-го века сделали римляне: «мы больше не потерпим над собой царей» не скоро удастся реализовать на практике, но слово – сказано, и новый народ пытается воплотить этот принцип в жизнь.

А на Востоке волна за волной набегают друг на друга народы, которые управляются железной рукой царей, ценящих порядок и единообразие. В начале 6-го века вавилоняне под водительством страшного Навуходоносора строят на обломках ассирийской империи свою сверхдержаву. Как и ассирийцы, вавилоняне проводят массовые депортации, разрывая связь народов с их землями и богами. Даже дряхлеющий, но все еще грандиозный Египет, уже тогда казавшийся загадочным всем, кто краем уха слышал о нем, пал жертвой вавилонской экспансии... Рвущиеся к Египту вавилонские армии едва ли даже заметили крошечную Иудею, оказавшуюся у них на пути. Если бы не бунт, который подняли в тылу вавилонян жители Иерусалима, незачем было бы и задерживаться. Но бунт был, и город, по обычаю вавилонян, оказался разрушен вместе с его легендарным Храмом Единого Бога. Да что с того... все равно все должны чтить вавилонского Сина, бога Луны... А под боком у жестоких вавилонских царей уже взрослеют юноши, которым суждено смести их с лица земли: Алиатт и легендарный Крез, покорив почти все греческие колонии, создают в Малой Азии сказочно богатую Лидию, а в соседней Мидии тем временем взбунтовавшиеся против мидийского царя персы создают державу Ахменидов, которая будет владычествовать над востоком до самого Александра Македонского.

И Кир II, царь персов, завоевал весь восток Средиземноморья, в который раз бросив его народы и культуры в плавильный котел новой мировой державы. Отпущенные на свободу из вавилонского плена народы возвращаются каждый на свою землю, чтобы на развалинах вновь создавать жизнь. Только сатрапов ставят персы во главе национальных провинций, да и те нередко происходят из туземцев. Вот как, к примеру, сатрапы Иудеи, где вновь восстанавливается разрушенный иерусалимский Храм. Надо сказать, что этническая административная единица, центром которой был храм национального божества, была типична для империи

¹ Термин введен в середине 20 в. К. Ясперсом (1883—1969).

Ахменидов, и многие народы переживали во второй половине 6-го века нечто подобное восстановлению Храма; уникальность иерусалимской общины заключалась в чем-то совсем другом.

Все можно построить заново – но мир уже не будет прежним, где все стоит на своих местах. И даже фараоны, неприступные божественные фараоны – сначала Априй, а потом Амасис, всеми силами противившиеся персам, вынуждены пожертвовать традиционной египетской замкнутостью и войти в союз с греками, которым ведь тоже надо дать место в истории этого дивного века. Именно греки остановят движение персов на запад, но это дело будущего, пятого века. А пока Спарта собирает Пелопоннесский союз, а ионийские тираны лавируют между единоплеменниками с материка, египтянами и персами, чтобы выжить. А греки с запада бегут на материк, изгоняемые карфагенянами, которым тоже суждено великое будущее... Тем временем в Афинах Солон пытается укрепить нацию и борется против внутреннего насилия; а вслед за ним Писистрат устанавливает в Афинах тиранию – но тирания запомнится главным образом тем, что кто-то неизвестный записал в это время на пергаменте или папирусе гомеровские поэмы... а к концу века Писистратиды изгнаны и Клисфен устанавливает в Афинах демократию... Сколько еще будет соперничества и борьбы, сколько «новых вещей»... И как много личностей, людей, имеющих собственное неповторимое лицо, появляются на смену полубезликим правителям народов!

Но ведь персы двигались не только на запад; на востоке они столкнулись с первыми государствами Индии, и здесь, в долине Инда, и к северу от него располагались самые дальние восточные сатрапии персидской империи. Здесь и еще дальше на восток, в Китае, тоже возвышаются и растут державы, становятся крупнее царства, углубляется и расцветает культура... И сюда устремляются купцы и послы, и рождаются легенды о богатствах крайнего востока и величии его мудрецов.

По совести сказать, мудрецы-то и составляют главное богатство века и его самую не постижимую тайну. Где взяли они свою мудрость, и почему так схожи вопросы, которыми они задавались, и откуда черпали они такие, в сущности, похожие ответы на них? Быть может, один из тех пророков, о чьих словах мы будем говорить дальше, и дал ответ на эти вопросы, сказав великие и таинственные слова: «Глас вопиющего». Каждый по-своему слышал этот глас, каждый по-своему интерпретировал его, но невозможно отделаться от ощущения, что мысль всех мудрецов этого века, бьющихся над загадкой бытия человека перед лицом Вечности, отражает нечто единое, что роднит их всех друг с другом. Как будто сама Вечность приоткрывает человечеству свою тайну, и по всему лицу земли поднимаются мудрецы – те, кто сумел что-то слышать... Вот они идут один за другим, гении, стоявшие у истоков культуры.

Вот Семь эллинских мудрецов размышляют о пути, которого следует держаться человеку, и один из них, Питтак, говорит: «Что возмущает тебя в ближнем – того не делай сам». А вот божественный Пифагор, объездив восток вплоть до самого Вавилона (если не еще дальше!), говорит о бессмертной душе, обитающей в теле как в доме и переселяющейся в новый дом после смерти; он видит мир как гармоничную структуру, в которой все созвучно, как в числах и музыке, и познание которой может дать душе очищение, катарсис. Вот Гераклит, младший современник Пифагора, говорит о том, что человеческие души уходят из мира в иную, высшую жизнь, и что человеческие законы «питаются единым божественным» законом, который он обозначает таинственным понятием. Гераклит осуждает жертвоприношения и почитание идолов; за постоянно меняющимся миром он видит Единое, из которого исходит и куда возвращается все. И вот Ксенофан говорит о Едином Боге, «несравнимом со смертными ни по образу, ни по мыслям», который «без усилия властвует над всем своей мыслью». А еще в дни их юности, в первой половине века, Анаксимандр говорит о невоспринимаемом, в котором все берет свое. А рядом с ними живут и творят Эзоп и Эсхил... *логоса беспредельном начало*

На противоположном краю земли полулегендарный «старик-младенец», великий Лао-Цзы, возвещает покоя и бесстрастия; он ищет мистического проникновения в сущее на путях

«внутреннего делания», «искусства сердца-ума». Поиск совершенства и освобождения от мира ведет его к бессмертию в единении с Дао-Небом... Мистический опыт и аскетическое делание могут, по мнению Лао-Цзы (точнее, конечно, по приписываемому ему трактату «Дао-дэ-цзин»), привести жизнь человека в гармонию с небесным Дао, с тем, чем живет мироздание. А где-то неподалеку все в тот же век Конфуций учит этике, отражающей высшую мудрость неба. Дао Конфуция – в человечности и справедливости, мужестве и вежливости, братской любви и достоинстве человека. Здесь тоже мудрый человек своей нравственной жизнью противостоит силам хаоса, в первую очередь – в социальной жизни. Небесный порядок, своего рода ритм дыхания беспредельного, может стать содержанием жизни, если человек «встроится» в этот ритм, попадет с ним в духовный и нравственный резонанс... *дао*

А тем временем за Гималаями оформляется ведическая религия и философия; именно 6-м веком до Р. Х. датируются многие ее тексты. Здесь расцветает практика «совершеннейшего жертвоприношения» – приношения сомы, опьяняющего напитка наркотического свойства (по мнению ученых, это было нечто вроде браги, настоянной на мухоморах...). Но не менее эффективны и изобретенные в Индии иные, ненаркотические способы преодоления личностных ограничений, вроде аскетических и дыхательных техник йогов. Впрочем, с точки зрения последующих столетий все это скорее фон грандиозной личности одного из самых поразительных людей этого столетия, принца Сиддхартхи Гаутамы. Учение Гаутамы Будды слишком значительно, чтобы оценивать его или пытаться изложить вкратце. Провозглашенные Буддой Благородные истины весьма радикальны в контексте его времени: всякое существование принципиально является страданием, но есть путь, ведущий к его прекращению, и есть состояние, в котором страдания нет. На первый взгляд, это мало похоже на то, о чем думают современники Будды, да и само буддийское спасение, своего рода внеличностное бытие – вовсе не то, чего стремятся достичь мыслители Греции, Ближнего Востока или Китая. Но восьмеричный путь, который по учению Будды ведет к нирване, пролегает там же, где ищут смысл и жизнь его современники: благое видение и благая решимость, благая речь и правильное поведение, отказ от насилия и благой образ жизни... Будда не связывает присущее бытию страдание с грехопадением, с повреждением человеческой природы, но если охарактеризовать восьмеричный путь привычным библейским языком, то следует говорить именно о прекращении греха. Как и другие его современники, Будда полагает заключительные этапы пути к нирване в области мистического созерцания беспредельного (впрочем, это в данном случае сторонний термин). Так или иначе, именно Вечное и беспредельное – цель, стремиться к которой Будда призывает своих учеников и последователей; Вечное, приблизиться к которому возможно лишь освобождаясь от греха.

И среди этих гигантов духа живет маленький народ, которому доверено самое главное откровение эпохи: Единое и беспредельное греков, Небесное Дао китайцев, Атман упанишад и «освобождение» Будды – Личность, с Кем возможны отношения от сердца к сердцу. Не «Оно», таинственное и непостижимое, а «Ты», Кто сотворил с нами великое и чудное, славное и ужасное... И этому народу хорошо знакомо правило «не делай другому того, чего не хочешь себе»; за отказ от его исполнения и постигла этот народ вавилонская катастрофа – по крайней мере, именно так объясняли ее пророки первой половины века.

История народа Завета в середине 1-го тысячелетия до Р. Х. полна драматическими событиями, далеко не все из которых зафиксированы в библейских текстах. Политика переплетается в них с верой и религией столь тесно, что порой невозможно отличить одно от другого... В конце 8-го века (точнее, в 722 году) ассирийцы захватили Северное царство и его столицу, Самарию, и самостоятельное существование израильтян на Севере прекратилось. Немногие сумели бежать на юг, в Иерусалим, но они принесли с собой бесценные документы: записи идущего от Моисея предания, которому со временем предстояло войти в текст Библии.

В течение почти целого столетия после падения Самарии цари Иудеи с трудом сохраняли свое государство. В сущности, будучи попеременно вассалами то Египта, то Ассирии, они временами вступали в союзы с такими же малыми государствами и восставали против окружающих их великих держав – Палестина была своего рода буферной зоной, и те, кто не владел ею в данный момент, были заинтересованы в том, чтобы поддерживать мятежи ее правителей. В угоду политической необходимости (а может быть, и без такой причины), иудейские правители не придавали слишком большого значения религиозной, культурной и национальной идентичности своего народа; все время существовала опасность, что поддерживаемое правителями язычество возобладает над верой в Единого Бога, и она будет забыта. Правители, как им это свойственно во все века, считали религию страны своего рода идеологическим обеспечением, и если приходилось чтить чужих богов – что ж, ничего не попишешь... А вслед за правителями и весь народ склонялся ко все большему синкретизму. Насколько можно судить, среди тех, кто оставался верен Единому Богу, были пророки, мужественно обличавшие измену единобожию – но, как свидетельствует пророк Иеремия, «пророков ваших поядал меч ваш, как истребляющий лев» (Иер. 2:30).

Лишь в конце 7-го века до Р. Х. что-то начинает меняться. Во время ремонта в Иерусалимском Храме был обнаружен некий текст, в котором были собраны заповеди Моисеева Завета... Трудно быть уверенным, насколько случайно священники «нашли» его; 4 Цар. 22 сообщает только о том, что по царскому повелению был ремонт, и первосвященник Хилкия вручил книгу Закона (а это было Второзаконие) царскому писцу. Царь Иосия (640—609) пришел в ужас от того, насколько реальная жизнь страны не соответствует Закону Господню; это и послужило, по логике библейского повествования, побудительным мотивом т. наз. религиозной реформы царя Иосии. Но эта реформа, сколь бы ни была она благотворна, не отвратила бедствий, о которых все яснее говорили пророки времен Иосии, в первую очередь – Иеремия.

Написанная после Плена 4 Цар сообщает далее: «Так говорит Господь: наведу зло на место сие и на жителей его, – все слова книги, которую читал царь Иудейский. За то, что оставили Меня, и кадят другим богам, чтобы раздражать Меня всеми делами рук своих, воспылал гнев Мой на место сие, и не погаснет. А царю Иудейскому, пославшему вас спросить Господа, скажите: так говорит Господь Бог Израилев, о словах, которые ты слышал: так как смягчилось сердце твое, и ты смирился пред Господом, услышав то, что Я изрек на место сие и на жителей его, что они будут предметом ужаса и проклятия, и ты разорвал одежды свои, и плакал предо Мною, то и Я услышал тебя, говорит Господь. За это, вот, Я приложу тебя к отцам твоим, и ты положен будешь в гробницу твою в мире, и не увидят глаза твои всего того бедствия, которое Я наведу на место сие». Этому пророчеству не суждено было исполниться: царь Иосия нелепо погиб в битве при Мегиддо в 609 году, когда он с малым войском пытался противостоять проходившим через Палестину войскам фараона Нехао II, и эта катастрофа навсегда сделала Мегиддо (Армагеддон) символом неравной битвы со злом...

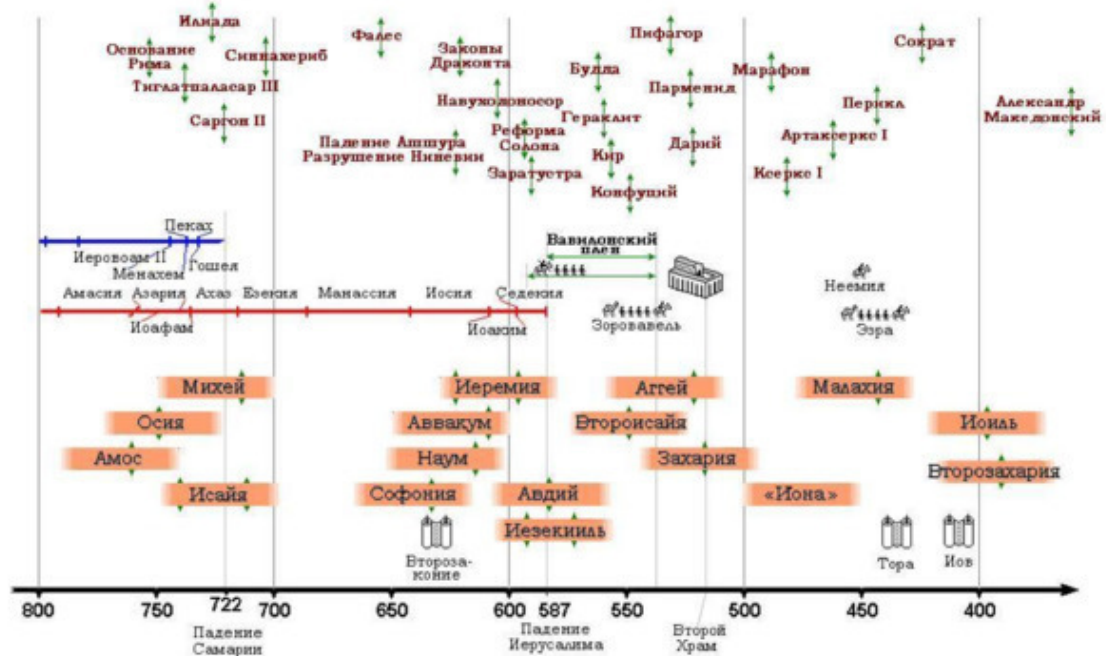
Традиция, зафиксированная в 4 Цар., объясняет гибель Иерусалима и плен изменой Единому Богу, в которой были повинны поколения. Эта идея, ясная и последовательная, не может не вызывать целый ряд вопросов, которые и были поставлены в израильской мысли, главным образом – во время и после плена. Во-первых, измена имела место во дни царя Манассии (в наиболее яркой форме) – а в плен пошли люди! Справедливо ли это? Если рассматривать народ как единое целое, как лишенных индивидуальности людей, то, может быть, и справедливо. Но пророки и мыслители эпохи плена и возвращения восстают против подобного подхода: каждый человек уникален и хотя бы до некоторой степени самостоятелен перед Богом. «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина!» – с горечью восклицает пророк Иезекииль. Во-вторых, что проку в наказании, которое падает на голову грешника, коль скоро он уже ничего не может изменить, потому что гибнет? Если бы ему была дана, когда, наученный горьким опытом, он мог бы прожить праведно – но жизнь дается человеку раз. Об этом уже

после плена, в конце 5-го века до Р. Х., мучительно размышляет безымянный гений – автор книги Иова. И он же задается вопросом о том, израильтяне жить по-другому. Незнание закона, конечно, не освобождает от ответственности – но работает ли этот принцип в отношениях Бога с людьми? И справедлив ли этот принцип по высшему, гамбургскому счету? И могут ли люди своей, (еще одно ключевое понятие слепопленной мысли), найти путь правды? Наконец, в-третьих, катастрофа носит массовый характер, и вавилонский меч не разбирает правого и виноватого... Однако «не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?» – вопрошает Господа Авраам в идущем от Моисея предании, обретшем окончательную форму также в описываемое время. Тем более что на практике благоденствуют люди, которых трудно назвать праведными, а подлинный праведник часто жестоко страдает. Об этом еще перед пленом думал пророк Аввакум, об этом же думают Иезекииль, Исайя Вавилонский и автор книги Иова. *предпленные совсем другие коллектив вторая попытка один могли ли человеческой мудростью*

* * *

* * *

* * *

Будут они слушать или не будут Иезекииль

Один из «больших пророков», Иезекииль родился в Иудее около 622 г. до Р. Х. и был священником. С первым караваном пленных в 597 г. до Р. Х. Иезекииль был уведен в Вавилон и жил в поселке Тель-Авив близ Ниппура, одного из религиозных центров Вавилонии. Здесь, у реки Ховар, пророку были явлены от Бога несколько видений, с которых в 592 г. началось его пророческое служение. В это время Иезекиилю было около 30 лет. Дом пророка в Тель-Авиве, как и дома многих священников в плену, стал местом, где собирались депортированные иудеи (именно из таких домов собраний в эпоху плена и родилась синагога). К приходившим к нему людям, вероятно, и обращал пророк свои пламенные проповеди. Время, когда он записал их в книгу, неизвестно. Около 571 г. до Р. Х. пророк скончался.

Первая глава книги пророка Иезекииля содержит описание первого видения, ставшего одновременно и призыванием пророка на его служение. Вероятно, наиболее жгучим вопросом духовной жизни пророка, как и всего Израиля в начале эпохи Плена, был вопрос: «Почему?» Почему это произошло? Как стало возможным, что город Давида, казалось бы, навеки защищенный обетованием Божиим, подвергся разорению? И почему Израиль, избранный Богом народ, не услышал грозных предостережений и призывов к покаянию, которые Всемогущий обращал к нему через пророков конца 7 – начала 6 веков? Что произошло? И вот Иезекиилю является неопишемое видение, и слава Божия открывается ему как ответ на все мучительные вопросы.

Сияние надмирной славы Божией, которую пытается описать Иезекииль, – только начало откровения. Дальше Господь будет говорить слово, которое пророк возвестит своим соплеменникам и грядущим поколениям. Но важно, что он начинает с описания невероятного зрелища. В шуме северного ветра, который всегда был для Израиля символом гнева Божия, молча созерцает пророк некое таинственное движение.

Само по себе описание видения пророка Иезекииля навеки определит зрительное представление небесных сил в умах верующих. Вся христианская иконография их так или иначе базируется на словах Иезекииля. Но для его времени это описание абсолютно уникально. Пророки прежних времен – Моисей, Илия, Исайя, которых Бог удостоил созерцать Славу Свою, – ограничивались лишь смутными образами. В Пятикнижии Моисеевом явления Божии происходят во мраке, сквозь который не проникает взгляд человека. Илия присутствие Вседержителя ощущает как веяние тихого ветра. Исайя, по собственному выражению, видит лишь края риз Его и слышит голоса бесплотных существ. Зримым образом славы Божией до Иезекииля был лишь столп огненный и облачный, шествовавший перед Израилем при исходе из Египта. Иезекииль впервые пытается подобиями земных объектов описать, точнее – изобразить словами, как на иконе, то, что ему открылось.

Видению славы Божией, описанному Иезекиилем в первой главе, едва ли можно дать детальное истолкование. Характерная особенность этого описания – его приблизительность. Сам пророк называет эти образы «подобиями», чтобы у нас не возникало соблазна думать, что мы точно знаем и видели всю полноту Славы. И все же можно выделить несколько содержательных аспектов видения.

В первую очередь, это таинственное движение, совершающееся сразу «на четыре стороны». Иконографически неуловимое, это движение подчеркивает, что пророк видит нечто живое, Славу Живого Бога. Одновременно это непрестанное движение является ему как смысл и движущая сила всей человеческой истории. Он видит Бога, приходящего к Своему народу, как Он обещал через пророков.

Во-вторых, характерной чертой видения Иезекииля является свет, сияние Божества. В этом и продолжение традиции Ветхого Завета и, быть может, своеобразное предвидение Христа, Который будет Светом миру.

Далее пророк многократно повторяет в описании число 4. На языке библейской числовой символики это число в первую очередь обозначает все стороны света, весь мир. Слава, которую созерцает пророк, объемлет весь мир, и он видится пророку как подножие ног Всемогущего.

Наконец, странные крылатые и многоликие существа, при всем их различии, объединяет то, что все они отличаются от человека. Но в центре видения – таинственная человекоподобная фигура, которую пророк описывает в последних строках первой главы. Можно сказать, что не столько видение подобно человеку, сколько человек подобен Тому, Чья Слава открылась Иезекиилю. Отчасти на этом видении основано употребление пророком Иезекиилем (и его преемниками) выражения «Сын Человеческий», которым Господь Иисус Христос называет Себя чаще всего.

После видения подобия Славы Божией пророк Иезекииль слышит голос Бога, призывающего его пойти и возвестить Израилю Его слово. Важным отличием, на которое обращает пророк внимание читателя, является то, что дело пророка – только произнести слово, которое Бог вкладывает в его сердце и которое сладко, как мед, в устах пророка. Бог говорит Иезекиилю: «Пойди и скажи им, будут они слушать или не будут». Не важно, примут ли сыны Израиля весть пророка. Более того, Бог Сам говорит, что сердце сынов Израиля огрубело и они не послушают пророка. «Но пусть знают, что был пророк среди них», – говорит Господь.

В известной степени повеление Божие Иезекиилю может быть отнесено и ко многим библейским пророчествам, хотя и не ко всем. Бог посылает Своих служителей к нам независимо от того, будем мы слушать или не будем. Несмотря ни на что, это слово должно быть сказано ради верности Божией и ради того, чтобы у нас была возможность услышать его.²

«Но пусть знают, что был пророк среди них» – ведь люди часто упрекают Бога, говоря: «Ах, если бы знать!» Если бы мы знали, чего хочет от нас Бог, если бы мы видели, что мы на самом деле творим... Господь отвергает эти упреки, потому что все, что нам необходимо знать для спасения, нам сказано.

И далее, в 3-й главе пророк записывает слово Божие об ответственности. Это такая важная тема, что несколько раз на протяжении своей книги Иезекииль возвращается к ней. Можно сказать, что он стал пророком личной ответственности людей. В самом же начале книги он говорит об ответственности пророка как служителя Божьего: если пророк вразумлял беззаконного, то ответственность на беззаконном, но если пророк уклонился от этого служения, то ответственность за гибель беззаконного падет на самого пророка. Таким образом, служение его можно назвать служением вразумления.

Ветхозаветные пророки иногда совершали странные, шокировавшие их современников вещи. Такие пророческие действия можно сопоставить с притчами, которые произносил Господь Иисус Христос, но притчи пророков были зримыми. В чем-то они напоминают поступки юродивых.

Так, пророк Иезекииль в 4-й главе повествует о пророческом действии, которое Бог повелел ему совершить для того, чтобы сказать нечто важное о грядущем разрушении Иерусалима. Для нас сегодня язык этой притчи-«пантомимы» малопонятен. Вряд ли он был понятен без комментариев и современникам пророка. Однако смысл откровения все же достаточно прозрачен.

Господь говорит о мере беззаконий Израиля, которой неким таинственным образом соответствуют сроки пленения народа. Основная же часть пророческого действия посвящена тому, что вместо безмерных даров милости Божией Израиль, отвернувшийся от своего Создателя,

² Ср., напр., Иер. 1:10.

будет по очень скудной мере получать нечистую пищу в плену. Бытовавший тогда способ выпекания лепешек отличался тем, что они пропитывались дымом того, на чем их пекли (дымом используемого топлива). Бог повелевает пророку печь лепешки на нечистотах, ибо эти лепешки должны символизировать хлеб рабства, горький и гадкий.

И еще в этой притче есть два важных аспекта. В контексте того, что Иезекииль скажет об ответственности людей за свои поступки, Бог говорит пророку: «Ты будешь нести беззаконие дома Израилева», – и определяет для этого очень мучительный способ. Так, пророк, еще прежде откровения о Новом Завете, становится образом Христа, Который был мучим за беззакония наши.

Кроме того, поражает какой-то детский способ изображения осады Иерусалима: «Возьми кирпич и начертай на нем город Иерусалим». Сразу вспоминается песочница и игрушечные солдатики... Но при этом здесь выражена разница масштабов жизни Творца и Его действий в мире и предающих Бога людей. Следует сопоставить с этим символом Иерусалима диалог Бога с пророком Иеремией о гибели Иерусалима, происходивший за 5—6 лет до этого, около 598 г. Повелев Иеремии пойти в дом горшечника, Бог показал ему, как горшечник сминает неудавшийся сосуд, чтобы вылепить из кома глины нечто новое. «Не могу ли Я так поступить с вами, дом Израилев?» – спрашивает пророка Господь.³

Этот маленький кирпичик, изображающий Иерусалим, в контексте книги пророка Иезекииля соотносится с двумя мерами. С одной стороны, описанное пророком в первой главе видение вселенской славы и всемогущества Творца – и как мал и беззащитен оказывается перед этой славой незаконный народ! С другой стороны, ничтожность Иерусалима и его смешную гордыню пророк соотносит с помилованием Божиим, о котором он будет говорить во второй половине книги. И это помилование, снисхождение Бога к жалкому «кирпичику», открывается пророку как ничем не объяснимый и незаслуженный дар.

Ужас охватывает пророка Иезекииля, когда Бог дает ему увидеть историю Израиля в перспективе правды Божией. Каждое слово пророка, которое мы читаем в 5-й главе, проникнуто страхом и болью. Грехи Израиля оказываются в глазах пророка гораздо большим, чем нарушение установленных норм и правил: он видит в них противление Самому Вседержителю.

Время, когда жил пророк Иезекииль, было наполнено постоянной борьбой возникавших и распадавшихся империй с малыми странами и народами. Сам Израиль в силу своего географического положения постоянно оказывался в водовороте этой борьбы. Еще живы были в памяти избранного народа времена Ассирии: крушение ее под ударами Вавилона произошло всего лет за 30 до призвания Иезекииля. Ребенком он мог слышать, как говорил тогда о гибели Ассирии пророк Наум: «Все, услышавшие весть о тебе, будут рукоплескать о тебе, ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?» Так что вполне естественно, что в апокалиптической картине, которую пророк Иезекииль описывает в 5-й главе, заметны отзвуки карательных экспедиций Ассирии против взбунтовавшихся народов. В те времена это было обычным делом: так же поступали и Вавилон, и Египет.⁴

Беззаконие Израиля, проникающее во все сферы жизни, предательство Синайского завета Иезекииль видит как такой бунт маленького народа против великого властелина – бунт, который ждет суровая кара. Правда Божия не может потерпеть идолопоклонства, жестокости и насилия, воцарившихся в жизни Израиля. Противление властителю не может быть терпимо, потому что иначе властитель покажет себя слабым. Это было абсолютно очевидно всем на Востоке в то время. Логика событий, о которой говорит пророк, неумолима: Израиль, призванный к святости, вместо этого умножил беззакония свои и стал хуже язычников – в ответ на это и Бог восстал на суд против Иерусалима.

³ Иер. 18:1—11.

⁴ Наум. 3:19.

Лет за 5—6 до этого пророчества нечто подобное происходило в Иерусалиме при царе Седекии и пророке Иеремии, и тогда Бог говорил царю через Иеремию: «Ты отказался дать свободу твоим единоплеменникам – тогда Я объявляю тебе свободу... подвергнуться мечу, моровой язве и разорению». Видимо, одним из самых пронзительных откровений этой эпохи была мысль о том, что Бог поступит с Израилем так, как Израиль поступает с Богом.⁵

Современному человеку это может показаться несправедливым: слабых и малых нельзя обижать, скажем мы. Но в противостоянии святости Божией и греха этого мира дело идет не о чем меньшем, чем жизнь и смерть. Поэтому требовательность Божия в данном случае не более несправедлива, чем в словах «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» или «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме». Любовь, даруемая Духом Божиим, не может быть односторонней или частичной. Либо мы живем, водимые Духом, – и тогда мы верны и милостивы и к Богу, и к ближнему, либо мы против Того и другого.^{6 7}

И никакими обильными жертвами и формальным поклонением невозможно купить снисхождение Всемогущего, если попираются нравственные принципы, положенные Им в основание мира, и предается верность Его любви. Что еще может ждать Иерусалим, взбунтовавшийся против своего Владыки? Вот поэтому так ужасна картина разорения и гибели Иерусалима, которую описывает пророк Иезекииль в 5-й главе. Вот поэтому текст этой главы так напоминает повеления древневосточных властителей о карательных походах против бунтовщиков. Читая эти слова, однако, важно помнить, что они не объемлют собою всей полноты воли Божией: дальше, в следующих главах, Бог дополнит это откровение правды откровением милости.

Первые главы книги пророка Иезекииля поражают душу читателя окончательностью сурового приговора, вынесенного Иерусалиму и избранному народу. Пророк говорит о чудовищности греха и об ответственности людей за него, и убедительности его слов нечего противопоставить. Правда Божия такова, что всякое сознательное, преднамеренное противление воле Творца губительно. Нельзя умолчать об этом, и нельзя никуда скрыться от руки Всемогущего. Как бы ни был силен и неумолим Его гнев, события истории показывают, что Он – единственный Владыка Израиля и всей вселенной.

В начале 6-й главы пророчество о воздаянии за грех находит свое логическое завершение. Господь обращается через пророка уже не только к жителям Иерусалима и Иудеи, но и к самой природе Святой земли. Он повелевает Иезекиилю изречь пророчество на горы и холмы, долины и лощины о том, что все они будут разорены за идолопоклонство своих жителей. Сразу вспоминаются страшные слова Творца согрешившему Адаму, записанные в книге Бытия: «Проклята земля за тебя». Шестью столетиями позже апостол Павел дополнит эту мысль, говоря: «Тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее... вся тварь совокупно стенает и мучится донныне...» Весь тварный мир несет на себе плоды человеческого греха и разделяет с человеком ответственность за его поступки. Такова оборотная сторона владычества человека в мире, порученном ему Богом. Нравственное разложение человека, распространяясь, в конечном итоге приводит и к физическому разложению тварного мира; несомненной иллюстрацией этому могут быть экологические катастрофы современности.^{8 9}

⁵ Иер. 34:17.

⁶ Мф. 25:40.

⁷ 1 Иоан. 2:9.

⁸ Быт. 3:17.

⁹ Рим. 8:19—22.

Но... после пророчества об опустошении земли в горькой речи пророка появляется новая интонация. Все, что было сказано о возмездии, – правда, но она не объемлет собой всей правды о Боге. Он не таков, чтобы удовольствоваться одним только возмездием. С 8-го стиха 6-й главы рядом с обличением и приговором появляется слово удивительной надежды.

Господь вновь, как Он говорил и другим пророкам, возвещает об остатке Израиля, о тех, кто уцелеет и будет спасен. В три стиха вкладывается все содержание библейской аскетики и науки покаяния. Остаток, по слову пророка, это те, чье сердце будет сокрушено, кто почувствует отвращение к самим себе за сделанное ими зло и в результате вспомнят о Боге. Неверно было бы утверждать, что одним заранее предопределено войти в этот остаток, а другим – погибнуть. Большой вопрос, найдутся ли те, кто в покаянии обратятся к Богу. Лет за тридцать до этого пророк Иеремия с горечью говорил о неспособности народа к покаянию: «Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс – пятна свои? так и вы можете ли делать доброе, привыкнув делать злое?» И великое, и неожиданное откровение – то, что Бог, видящий будущее, с уверенностью говорит о том, что остаток найдется и будет сохранен.¹⁰

Только это, строго говоря, и придает смысл разрушению Иерусалима и, шире, всем катастрофам духовной истории человечества: то, что «будут у вас среди народов уцелевшие от меча... и вспомнят о Мне уцелевшие ваши среди народов». Плененному Израилю Господь говорит через Иезекииля, что его отношение к Богу изменится, и это послужит к обновлению и спасению людей. Слова «и узнаете, что Я – Господь», дважды повторенные в конце 6-й главы, мы воспринимаем как впитанную с детства угрозу: «Я тебе покажу... будешь знать, как безобразничать». Но Сам Бог и пророк Иезекииль вкладывают в них совершенно иной смысл. Чтобы понять это, необходимо сопоставить их со словами пророков 8-го века до Р. Х. Пророк Осия говорит о судьбе народа: «Суд у Господа с жителями сей земли, потому что нет ни истины, ни милосердия, ни Богопознания на земле... Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения». Тот же пророк Осия возвещает о Боге исключительно важное откровение, которое вспомнит впоследствии Господь Иисус Христос: «Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесождений», а пророк Исайя говорит о Христе, отрасли от корня Иессеева: «Почивает на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия...» Итак, в конце 6-й главы пророк Иезекииль говорит о том, что остаток Израиля в покаянии обратится к Богу и будет знать Его так, как этого хочет Сам Бог.^{11 12 13}

Почти вся седьмая глава содержит плач, слезные восклицания, которые пророк произносит от лица Господа. «Вот день! вот пришла, наступила напасть!» – вот, пришло то, о чем на протяжении веков предупреждал Господь через пророков. Вдумаемся: не раз и не два, не в последние дни перед катастрофой – почти за двести лет предупреждает Господь. Он долготерпит, Он говорит о том, как ужасно и губительно идолопоклонство Израиля, Он объясняет практически все... Самое главное: Бог постоянно напоминает о том, что спасение есть, и нужно только обратиться к Нему.

Трагическая интонация этого пророчества близка плачу Христа об Иерусалиме. Даже текстуально слова этой главы совпадают со словами Христа: «Вот, оставляется вам дом ваш пуст». Скорбь Господа об Иерусалиме звучит как у человека, бессильного предотвратить беду. Это можно счесть иллюзией, ибо Бог всемогущ. Но невозможно отвести бедствие, свободно избранное самими людьми, – в этом трагическая сторона парадоксального дара свободы. Как бы Он Сам хотел, чтобы этот день не настал! Но вот он, этот день, пришла напасть, и она, как стихия, не разбирает правых и виноватых, хороших и плохих. Подробное перечисление

¹⁰ Иер. 13:23.

¹¹ Ос. 4:1—6.

¹² Ос. 6:6, Мф. 9:13.

¹³ Ис. 11:2.

бедствий пророк приводит не ради литературной выразительности, но ради того, чтобы показать их слепой и безжалостный характер.

Этот момент древней истории избранного народа важен для всех, если смотреть на него с точки зрения Нового Завета. В сущности, беззакония всех народов и каждого человека так же неотвратимо влекут за собой гибель, как и беззакония Израиля. И именно от этой гибели и придет избавить нас Мессия. Вот это самое жуткое бедствие, плод нашего выбора, Он возьмет на себя, как напишет об этом несколькими десятилетиями позже автор второй половины книги Исаяи: «Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились». ¹⁴

В последнем стихе главы Бог Сам объясняет, почему предреченное бедствие стало неотвратимым. От Его имени пророк восклицает: «Поступлю с ними по путям их и по судам их буду судить их». На протяжении всей седьмой главы Господь говорит о бесчеловечности человеческого общества, о том, что «земля эта наполнена кровавыми злодеяниями, и город полон насилий». Вот что, в конечном итоге, становится главной причиной гибели Иерусалима. Рядом с этим нельзя не вспомнить слова Христа: «Каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить», сказанные уже не только Израилю, но всем людям. ¹⁵

Начиная с 8-й главы, пророк Иезекииль описывает содержание второго видения и сказанных в нем слов Господних. В отличие от первого, данного Иезекиилю на берегу Ховара, второе видение случилось в церковном собрании (прообразе синагоги) в доме пророка. Второе видение – это своеобразный инсайт, озарение, которое осеняет разум пророка по воле Святого Духа. Бог возводит пророка на новую точку зрения и показывает ему то, что пророк и так знает, но не вполне осознает. По сравнению с первым видением, здесь Бог не столько сообщает Иезекиилю что-то новое, сколько открывает глаза на известную ему реальность. Нельзя сказать, что Бог открывает пророку Свою точку зрения; скорее, Он дарует ему некоторую отстраненность, позволяющую по-новому увидеть жизнь.

Пророк описывает свои субъективные переживания так: «Бог привел меня... и я увидел...» Итак, Господь показывает Иезекиилю все беззакония Иерусалима. Но если раньше речь шла о жестокости и насилии, переполнявших жизнь народа, то теперь Бог обращает внимание пророка на прямые проявления идолопоклонства Израиля. Не где-нибудь, а непосредственно в Храме видит пророк поклонение наиболее популярным идолам Древнего Востока. Здесь и статуя Астарты, поставленная, вероятно, полвека назад при царе Манассии; культ ее был широко распространен по всему Ближнему Востоку и носил весьма неприличный характер. Здесь «плач по Фаммузу» – почитание умирающего и воскресающего сельскохозяйственного бога восточных народов, и поклонение солнцу и всякой живности, свойственное Египту и Вавилонии, странам, превосходить которые так тщится Израиль... Все это было известно и пророку, и старейшинам Иудейским, собравшимся в его доме. Но в видении Бог называет вещи своими именами, и картина окончательного отпадения Израиля становится пугающе очевидной.

Вывод о том, что будет с народом, предавшим Бога ради идолов, напрашивается сам собой. Последствия идолопоклонства пророк изображает в 9-й главе, и слова его напоминают о египетских казнях, обрушившихся на противящегося Богу фараона. Картина запечатления невинных, «скорбящих о мерзостях Израиля», живо напоминает ночь Исхода. Но теперь Израиль сам оказался в положении богопротивника, обреченного на уничтожение: «Только вас признал Я из всех племен земли, потому и взыщу с вас за все беззакония ваши», – как почти за две-

¹⁴ Ис. 53:5.

¹⁵ Мф. 7:1—2.

сти лет до Иезекииля говорил Бог пророку Амосу. Самому Иезекиилю кажется, что гибель суждена всему Израилю, и в трепете он восклицает Богу: «Неужели Ты погубишь всех?»¹⁶

Отвечая Иезекиилю, Господь снова говорит о беззаконии и насилии. Идолопоклонство отходит на второй план, и Бог говорит: «Земля сия полна крови, и город исполнен неправды... обращу поведение их на их голову». Нельзя не заметить, что это судьба всех обществ, в которых насилие становится основной чертой жизни людей, причем Бог явно имеет в виду главным образом бытовое, а не политическое насилие, ответственность за которое несет не абстрактное и безличное государство, а конкретные люди.

Однако это еще не все: Бог открывает пророку правду до самого предела, до самого страшного, что не могло и привидеться никому из израильтян. Израильтяне эпохи Ветхого Завета мыслили о присутствии Божиим как о Славе Его, наполняющей Иерусалимский храм (ср. 6-ю главу книги пророка Исайи). Эта Слава, Шехина или Шекина, была не просто сиянием, исходящим от Бога, но Его собственным присутствием. Израильтяне были уверены, что пока Слава Божия пребывает в Храме, с ними ничего плохого не произойдет и не может произойти. В этом был смысл поговорки «здесь Храм Господень», обличаемой пророком Иеремией. А само присутствие Славы Божией в Храме считалось непоколебимым и безусловным в соответствии с обетованием Давиду и Соломону.¹⁷

Но присутствие Творца несовместимо ни с каким грехом. Когда же люди окончательно избирают грех, присутствие Славы Господней становится невозможным. И пророк Иезекииль видит, что из-за грехов Израиля, почитающего идолов, плодящего беззакония и относящегося к Самому Всемогущему как к идолу, Слава Божия будет отнята. Центральная и главная часть видения – описание в 10-й главе того, как на огненной колеснице Слава Господня покидает Храм.

Пророк объясняет, что увиденное им не поддается описанию человеческим языком, и создает своеобразную словесную икону. Отсюда странные образы колес, исполненных очей, невероятных существ, движущихся сразу в четыре стороны, и т. д. Возможно, на это описание, записанное уже в Вавилоне, повлияли увиденные там пророком изображения. Суть 10-й главы составляют, конечно, не эти детали, а содержание Откровения.

Для пророка важно, что увиденное им подчеркивает вселенский характер власти и присутствия Божия (отсюда упоминания о четырех сторонах света). Ему открывается вся безмерная разница масштабов Всемогущего и человечества. За века, прошедшие после Исхода, израильтяне стали относиться к Богу как к своему местному национальному божку – и вот Иезекииль увидел отблеск подлинного величия Творца. Именно в этой перспективе видит он и нравственное убожество своего народа.

Страшный нерв этих глав – неумолимая логика происходящего. События разворачиваются перед глазами пророка, последовательно вытекая одно из другого, и эта причинно-следственная связь выглядит естественной в деталях и жуткой в целом. Так, мелкие, но понятные человеческие подлости приводят к катастрофе несопоставимого с ними масштаба.

Являя пророку Иезекиилю, как Слава Господня окончательно покидает Иерусалимский Храм, и даже прежде этого, Бог произносит исключительно важные слова, записанные пророком в 11-й главе. В начале главы речь идет о странном для нас представлении иерусалимлян: о своем городе они говорят: «Он – котел, а мы – мясо». Скорее всего, эти слова были распространенной поговоркой, означавшей, что люди составляют главное в Иерусалиме и защищены его стенами, как содержимое котла. Но Бог вновь говорит о том, что ничто не сможет защитить народ от последствий его же собственного греха.

¹⁶ Ам. 3:2.

¹⁷ Иер. 7:4.

Далее, начиная с 14-го стиха, Бог отвечает на вновь заданный Ему пророком вопрос о судьбе остатка Израилева: «Неужели Ты хочешь до конца истребить его?» Пророк получает повеление обратиться к сынам Израилевым, живущим в изгнании (то есть именно к тем, кто собрался в этот момент в доме пророка). Эти люди, по праву считающиеся цветом народа, были уведены вавилонянами в плен для того, чтобы некому было не только возглавить сопротивление, но даже и помыслить о нем. Среди них – князья и старейшины народа, священники и члены царской фамилии – потомки Давида; среди них книжники – исследователи Писания, мудрецы и ученые; среди них – знатоки языков и обычаев многих народов, в считанные годы создавшие в Вавилоне первые «транснациональные корпорации» и международные банки. На современном языке мы называем их элитой общества. Многие из них, судя по словам пророка, не запятнали себя идолопоклонством и скорбели о «мерзостях Израиля».

Оставшаяся в Иерусалиме политически, религиозно и нравственно безликая публика быстро оценила открывшуюся возможность властвовать в отсутствии лучших людей. Их разнужданная гордыня привела к тому, что они вычеркнули уведенных в плен из жизни Израиля. Скорее всего, изгнанникам было отказано в праве «заочно» участвовать в религиозной и политической жизни родины. Именно на это указывают слова, которые Господь приводит в 15-м стихе. Фактически они лишены не только родины: они лишены возможности общения с Богом, ибо поклонение Ему возможно только в Иерусалимском Храме. И вот, к изгнанникам, отвергнутым и своим собственным народом, обращается Господь.

Лишенным всего людям, оторванным от всякой почвы, дается удивительное обетование, которое делает их богаче кого бы то ни было. «Я Сам, – говорит Господь, – буду для них некоторым святилищем». В качестве параллельного места к этим словам следует привести слова Христа: «Наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине...» «Я Сам буду для них некоторым святилищем», – это пророческое предчувствие поклонения «в Духе и истине». ¹⁸

И далее Господь отвечает на невысказанный вопрос, один из главных для пророков той эпохи. Это проблема неспособности людей быть праведными перед Богом, о которой подробно говорил пророк Иеремия. Спасительное действие Божие, о котором говорится в Иез. 11:16–21, принесет обновление тем, кто прошел по пути страдания и очищения. «Дух новый вложу в них», – говорит Господь и обещает дать верным новое, по-настоящему живое сердце. Так, в момент катастрофы, на фоне трагического духовного одичания, звучит пророчество о Пятидесятнице и обожении человека.

Ключевые слова в 12-й главе: «Земля... будет лишена всего изобилия своего за неправды всех живущих на ней» (Иез. 12:19). Именно потому, что мы не верим этим словам, нам и бывает трудно принять заповедь Нового Завета о том, что спасение мира – в нашей любви друг к другу. Но, оказывается, мир держится только на том, что люди иногда способны миловать друг друга.

И чем ближе к Богу, тем сильнее связь между жизнью и милосердием. Жизнь Израиля времен пророка Иезекииля была непривлекательна, но достаточно обычна, если может вообще быть обычным насилие и беззаконие. Не знающие Бога народы вытворяли еще и не такое...

Но если ты призван Богом и ответил на Его призыв, если ты хочешь быть Его уделом на земле, то даже «обычная» бесчеловечность губительна. Чем ближе к Богу, тем сильнее пламя Его любви, в котором сгорает всякий грех, если пользоваться образом апостола Павла.

В тринадцатой главе Бог обличает через пророка одно из самых опасных явлений в религиозной жизни человечества: лжепророчество. Среди народа Божьего есть люди, говорящие от имени Бога то, что думают они сами. Они водимы духом своим, а не Духом Святым,

¹⁸ Ин. 4:21, 23.

и выдают свои мнения за слово Божие. Чаше же лжепророки говорят то, что их соплеменникам было бы приятно услышать.

Господь специально обращает внимание на такие «оптимистические прогнозы» лжепророков, когда они предвещают мир, а мира нет. Такие «пророчества», в сущности, не относятся к сфере религии, а являются политической пропагандой. Среди вождей Израиля существовало в тот момент несколько соперничающих партий, предлагавших опереться в борьбе с Вавилоном на те или иные внешние силы. Обещания мира, которые в изобилии изливают лжепророки, упоминаются также и у пророка Иеремии, действовавшего в тот же период. Они были на руку определенным политическим силам, но Бог обличает их как греховный отказ от повиновения Ему.

Суть этих лжепророчеств о мире заключается в утверждении, что «с нами Бог, потому что мы очень хорошие, мы – народ-богоносец, независимо от нашего нравственного облика». Обмазывание грязью стен Иерусалима – пародия на пророческое действие, пытающаяся изобразить чудесную нерушимость этих стен. Вероятно, пророк Иезекииль имеет в виду вполне определенное событие современной ему истории, когда в Иерусалиме было совершено нечто вроде торжественного обряда при строительстве стен: в нем-то и участвовали, скорее всего, лжепророки. Возможно, речь идет о попытке «ура-патриотов» восстать против Вавилона после убийства наместника Годолии – в контексте этого бунта и надо понимать строительство (или восстановление) стен Иерусалима. Господь через Иезекииля не только опровергает лжепророчества, но и использует этот пример как икону истинного служения пророков. Они призваны «входить в проломы и ограждать стеной» – не Иерусалим, но дом Израилев: речь идет об обличении греха и призыве к исправлению.

Нужно сказать, что в истории пророческой эпохи мы сталкиваемся с лжепророками неоднократно, начиная с Амоса – первого из пророков-писателей, и далее в течение нескольких столетий. В сущности, кульминацией лжепророчества станут крики первосвященников и фарисеев: «Возьми, возьми, распни Его». Важно понимать, что это явление достаточно глубоко коренится в психологии падшего человека и опасность столкнуться с ним не чужда и христианам. Не только в эпоху плена, но и много позже мы видим «пророчества», обусловленные политической ангажированностью. Именно поэтому апостол Иоанн призывает «Не всякому духу верить, но испытывать духов, от Бога ли они». ¹⁹

Вторая половина 13-й главы посвящена явлению близкому, но не тождественному «политическому» лжепророчеству. Для различения между ними пророк говорит здесь не о лжепророках, как в первой половине главы, а о лжепророчицах. Судя по всему, эта вторая форма лжи и в самом деле больше практиковалась женщинами. Речь идет о чародействе, о разных волшебных и магических обрядах, цель которых – узнать будущее и даже повлиять на него. Эта форма лжепророчества много примитивнее первой, и руководствуются лжепророчицы не ложно понятием, но все же возвышенным патриотизмом, а жадной наживы. «За горсть ячменя и за кусок хлеба» они, окутанные мистическим ореолом, предсказывают судьбу, заговаривают беды и так далее. В наших рекламных газетах сегодня пруд пруди объявлений вроде «Приворот с гарантией», так что нет нужды объяснять, что это такое. Как наши нынешние колдуны и маги используют иконы, святую воду и прочие атрибуты христианства, так в эпоху пророка Иезекииля они использовали атрибуты веры в Единого Бога. Их самовольное пророчество претендует на то, чтобы низвести божественную санкцию на заказчика, в то время как истинная воля Божия их не интересует. Об этом особенно ярко говорится в 22-м стихе: «... Вы ложью печаливаете сердце праведника, которое Я не хотел печаливать, и поддерживаете руки беззаконника, чтобы он не обратился от порочного пути своего и не сохранил жизни своей».

¹⁹ 1 Ин. 4:1.

Обратим внимание на еще один аспект этого важного стиха. Это мысль о воле Божьей об обращении и спасении беззаконника. Здесь она высказана почти вскользь, однако далее пророк не раз будет возвращаться к ней, и она станет одной из центральных в его книге.

В очередной раз несколько человек из старейшин Израилевых пришли к пророку Иезекиилю и, вероятно, просили его дать им слово от Господа, чтобы им уразуметь происходящее, увидеть смысл постигшей их катастрофы и найти возможность жить дальше. Насколько можно судить, пророк спросил Господа, и Господь дал ему слово, но не то, которого от Него ждали.

Только что в предыдущих главах Бог говорил пророку именно о смысле катастрофы, почему же Он отказывается отвечать сейчас? То было слово ко всему народу, здесь же Бог впервые с почти новозаветной ясностью говорит о личных отношениях каждого человека с Ним. Потому Я не отвечу им, говорит Господь, что они осквернили сердце свое идолопоклонством: через идолов они сделались чужими для Меня. Не Израиль вообще, а вот эти конкретные люди. И понять это необходимо каждому.

Окончено время воспитания, когда Израиль предстоял Богу как народ, как целое. Отныне Бог отказывается от этого и избирает диалог с каждым человеком в отдельности. Это поворотный момент не только в библейской истории, но и вообще во всей духовной истории человечества, ведь и среди язычников преобладает коллективная, племенная религиозность. Нельзя сказать, чтобы это произошло неожиданно: уже Моисеевы уставы об индивидуальных жертвоприношениях готовили израильтян к таким личным отношениям. Но именно Иезекииль был призван возвестить об этом ясно.

Коллективная ответственность и племенные отношения с Богом удобны людям, потому что можно спрятаться за ними. Кто-то другой будет праведным, а я буду получать благодаря ему милости Божии. Нет, говорит Господь, праведностью своей каждый человек может спасти только свою душу, каждый пожинает плоды своих и только своих поступков и отвечает только за себя. С одной стороны, это освобождает людей от ответственности за грехи других, с другой стороны, личную ответственность нужно нести, ее невозможно избежать.

И далее Господь говорит об очевидном следствии из этого факта личных отношений и личной ответственности: дети не гибнут за грехи родителей. Последние стихи 14-й главы являются необходимым дополнением к словам Десяти заповедей о том, что Бог наказывает потомство грешников до третьего рода и милует любящих Его до тысячи родов. С учетом того, что говорит нам Бог через пророка Иезекииля, в Декалоге применен определенный литературный прием – для того, чтобы показать несопоставимость масштаба последствий греха и праведности.

Но есть еще один неявный аспект этих слов. Если ни один из людей, даже самый праведный, своей праведностью не может спасти никого, кроме себя, то кто может спасти нас? Кто спасет тех, кто не способен вырваться из рабства греху? Кто избавит нас от этого тела смерти, как выражается апостол Павел? На Тайной вечере Господь Иисус Христос говорит ученикам, что Его Пречистая Кровь изливается за них и за многих. Именно Он – Тот, кто Своей Кровью и Своей праведностью спасает не одного Себя, но многих. Слыша эти слова, мы обычно думаем: многих, но не всех. А Господь Иисус говорит в логике 14-й главы Иезекииля: не одного Себя, а многих, потому что Он не просто человек, а Богочеловек. Таким образом, вторая половина главы оказывается своеобразным пророчеством о Богочеловечестве Христа, параллельным удивительным словам других пророков.²⁰

Еще со времен первых пророков виноградная лоза была символом народа Божьего: этим символом пользовались и Исая, и Осия, и Иеремия, и другие пророки. Этот образ стал настолько привычным, что когда Господь Иисус Христос обращается к нему, слушатели Его сразу понимают, о чем идет речь. Не обходит этот образ и пророк Иезекииль. Краткая притча

²⁰ Рим. 7:24.

в 15-й главе его книги содержит одну очень важную мысль, которая сразу обращает на себя внимание.

Господь говорит, что виноградная лоза не годится ни на что, кроме того, чтобы давать виноград. Она отличается от иных пород дерева тем, что из нее ничего нельзя сделать. Следовательно, избранный народ «не годится» ни на что, кроме как жить в заключенном завете. Тем отличаются участники завета от остальных народов, что весь смысл их существования – в завете с Богом. Создание мировых империй и накопление неисчислимых богатств, сокровища мудрости и взлет технологий – все это может принадлежать им, но не может быть целью и смыслом жизни. Вне завета, нарушая его, люди завета становятся ненужными, неуместными в этом мире. И Господь говорит, что выйти из завета в «обычную» жизнь невозможно, можно только погибнуть в огне, что и происходит с допленным Израилем.

Надо ли подчеркивать, что это относится к Новому Завету и его участникам гораздо больше, чем к Ветхому?

Брачный союз – один из типичнейших библейских образов отношений Бога с людьми; обращается к нему Господь и в Своем слове пророку Иезекиилю. Огромная, по сравнению с другими, 16-я глава его книги содержит подробную и очень важную притчу об истории избранного народа. Содержание и характер притчи, впрочем, таковы, что она приложима ко всем, кого призывает Бог.

Господь говорит о Своем народе как о младенце, который был обречен погибнуть потому, что никому не был нужен, – эта мысль продолжает записанное пророком в предыдущей главе. В сущности, каждый из нас подобным же образом получает ни за что милости Божии. Самый дар жизни и все, необходимое для нее, пища и кров, силы и таланты, работа и семья – все, что у нас есть, является даром милосердия Божьего – ведь всего этого могло и не быть...

И далее Господь говорит об идолопоклонстве Израиля (и вообще людей) в таких выражениях, что трудно читать это, не краснея. И вместе с тем невозможно спорить с этими словами, потому что образ блудницы, при всей своей неприглядности, как нельзя более подходит к сути дела. С какой-то порочной ненасытностью гоняется Израиль за идолами и волшебством, отдавая этому даже то, что по праву принадлежит Единственному. Более того, все это делается не ради каких-то мелких, но осязаемых выгод, а ради самого греха, его зловещей притягательности. Увы, нельзя считать, что эти слова описывают то, что осталось в прошлом. Безудержное распространение в мире всякого волшебства в последние десятилетия ничем не отличается от того, что происходило в Израиле накануне плена, и потому заслуживает той же нравственной оценки.

Во второй половине главы Господь говорит о том, что плод такой жизни ужасен: «Я буду судить тебя судом прелюбодейц и проливающих кровь». Освободиться от идолов самостоятельно не получается, и то, что поначалу так увлекательно, оказывается в конечном итоге губительно. Как Бог влечет поклоняющихся Ему к жизни, так тленная материя влечет поклоняющихся ей к своей судьбе – тлению и распаду. В качестве параллельного к этой главе места не лишне привести притчу Христа о богаче, которому Бог сказал: «Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»²¹

Однако все это – только долгое введение к тому главному, что говорит Господь в данной главе. Мы нарушаем верность завету, мы нарушаем ту единственную заповедь, которую дает нам Бог при вступлении в этот мир, мы оказываемся неверны в малом и в большом. Но Бог остается верен союзу с нами, несмотря ни на что – этому-то великому Откровению и посвящена вся 16-я глава.

Очень важно обратить внимание на последние слова главы. Господь говорит о стыде, который вызывает дарованное прощение. Но на практике мы так не любим стыдиться, так

²¹ Лк. 12:16—21.

тягостно оказывается для человека это состояние, что люди готовы отказаться от прощения, даваемого нам как дар.

17-я глава книги пророка Иезекииля посвящена хорошо известным политическим событиям начала эпохи плена. Они служат отправной точкой для откровения пророку и его слушателям очень важных вещей о замысле Божьем. Но прежде того Господь подвергает анализу собственно события. Язык притчи непривычен для нас, так как отличается от нашего способа выражения, но смысл слова Божия тем не менее совершенно ясен.

В первую очередь важно, что Господь дает политическим событиям нравственную и духовную оценку. Мы привыкли избегать этого, потому что слишком многое в нашей политической жизни следовало бы с нравственной точки зрения оценить резко отрицательно. Тем важнее для нас этот пример. Правители Иерусалима, назначенные Навуходоносором вместо уведенного в плен царя Седекии, нарушили клятву царю Вавилонскому, стали искать военного союза с Египтом, чтобы избавиться от вавилонской зависимости. Господь говорит, что из этого ничего не выйдет, и приводит тому два основания. Во-первых, на обмане ничего не может быть построено. 14-й псалом называет непорочным того, кто «клянется, хотя бы злему, и не изменяет». Значимость обещания не в том, насколько хорош тот, кому мы что-то обещаем, а в нашей собственной верности. Во-вторых, воля Божия была в том, чтобы Иерусалиму «предаться в руки царя Вавилонского», как говорил Бог через пророка Иеремию. Следовательно, вероломная политика иудейских вождей не только лжива, но и противна ясно выраженной воле Вседержителя.²²

Но, как и в других случаях, это только вступление к главному. В конце главы Господь открывает пророку, что Он поставит Своему народу иного Главу. Кедр, самое могучее и долговечное растение Ближнего Востока, становится символом Христа, который будет царем от рода Давидова. И, конечно, бросается в глаза изобразительный контраст виноградных лоз, стелющихся по земле, и высокого кедра, тянущегося к Небу.

В 18-й главе Господь устами пророка Иезекииля вновь восстает против человеческого представления о наследовании вины и наказания за грех. Эта идея, такая распространенная и понятная людям, уподобляет Бога нам самим, потому что это мы не различаем людей, но судим их по категориям. Бог же говорит нам о том, что Он строит Свои отношения лично с каждым из нас, каждый в своей отдельности судится по своим поступкам. Это Откровение предваряет Новый Завет, в который люди будут вступать не целыми народами, но каждый поодиночке.

Господь очень подробно говорит об этом, разбирая конкретные случаи. Если отец праведен, а сын нечестив, то отец обрел благоволение у Бога, а сын погибнет в грехах – как не хочется слышать это иудеям! Когда о том же самом говорят другие пророки, когда Иоанн Креститель говорит: «...Не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам», когда Сам Христос с горечью восклицает: «...Если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь ищите убить Меня...» – это вызывает у иудеев приступы ярости. Вот, у нас были такие замечательные святые предки, а нас самих будут судить по делам нашим, без скидки на наследственность... За это ненавидели и пророка Иеремию, и Иоанна Крестителя, и Самого Господа Иисуса. Нужно заметить, что в эту логику укладываются и наши судорожные восклицания про Святую Русь...

²³ ²⁴

Гораздо важнее для каждого из нас, что Господь обещает Свое благоволение праведнику, даже если его предки были нечестивы: это актуальнее для нас, живущих на постсоветском пространстве, в куда большей степени, чем ностальгия.

²² Пс. 14:4.

²³ Лк. 3:8.

²⁴ Ин. 8:39—40.

Но Господь не ограничивается этими генеалогическими определениями. Во второй половине главы Он возвещает великое Откровение милости к кающимся. Кающийся грешник будет принят Богом, и все преступления его, говорит Господь, не припомнятся ему. И вот, впервые здесь звучат великие слова: «Разве Я хочу смерти беззаконника?.. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?» Это говорится о каждом из людей, потому что, как не раз повторяет слово Божие, все мы так или иначе виновны перед любовью Творца. Но Он хочет спасения каждого, даже самого закоренелого грешника. Одновременно Господь говорит и об оборотной стороне принципа ответственности людей за свои поступки: за зло придется отвечать, и каяться в нем необходимо для спасения. Никакие заслуги не покроют злодеяний, но только сокрушенное сердце может принести избавление.

Завершается 18-я глава скорбным восклицанием о том, что дом Израилев не соглашается на такую милость Божию, потому что не хочет нести ответственность и каяться в своих преступлениях, рассчитывая именно на прошлые заслуги. В этом будет отказано и им, и всем, кто придет к Богу. В последних стихах, вновь повторяя слова о том, что Он не хочет гибели людей, но чтобы они обрели спасение, Господь обращает к народу призыв: «Сотворите себе новое сердце и новый дух... зачем вам умирать?»

С одной стороны, это призыв к изменению жизни, к тому самому покаянию, о котором Бог сказал, что оно изгладит все преступления, это призыв к тому, чтобы всеми силами приблизиться к Богу сердцем. И в то же время этот призыв звучит крайне неоднозначно, потому что исполнить его едва ли возможно. Практически то же самое, хотя и несколько иными словами, Господь чуть раньше говорил через пророка Иеремию, и пророк с горечью восклицал: «Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс – пятна свои? так и вы можете ли делать доброе, привыкнув делать злое?» Кто может сотворить себе новое сердце и новый дух? Даже если сердце человека ищет покаяния, как может сам человек выкорчевать грех из самого себя? Эти слова отражают трагическую безысходность эпохи и ставят самый главный вопрос: «Что делать, если человеку это невозможно?» Во второй половине книги пророк Иезекииль даст ответ на этот вопрос, говоря о приходе Христа и заключении Нового Завета, когда Бог Сам даст кающемуся новое сердце и новый дух.²⁵

Плач об избранном народе, который пророк Иезекииль облакает в 19-й главе в форму своеобразной притчи, очень важен, если так можно выразиться, в эмоциональном контексте его книги. На протяжении почти всей первой половины книги пророк приводит слова Всемогущего, с горечью и скорбью обличающего грех, призывающего к исправлению и предрекающего бедствия. И если мы не слишком хорошо знаем Его, то в этих словах нам могут послышаться оттенки мстительности и какого-то странного садизма. Ничего подобного там нет, просто мы не умеем воспринимать суть пророческих слов. Но этот плач ставит все на свои места. Невозможно точно сказать – это плач от лица Иерусалима, скорбящего о своих грехах, или от лица Бога, плачущего о них же.

Важно, однако, что в предыдущей главе Господь напрямую говорит о том, что Он не хочет гибели грешника, но чтобы он был жив. И плач делает понятным: гибель человека в грехах своих – это не торжество высокой справедливости, а трагедия. Трагедия и для нас, и, что самое главное, для Бога. Он Сам будет совершать великое и нами непостижимое для нашего спасения и плакать об Иерусалиме потому, что «повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя!». Быть может, в том-то и состоит вся трудность для читателя, что, с нашей точки зрения, основанной на стереотипных представлениях повседневной жизни в поврежденном мире, – грех требует в первую очередь, если не исключительно, воздаяния (читай: кары). А на самом деле он требует исправления...²⁶

²⁵ Иер. 13:23.

²⁶ Ос. 11:8.

Вновь приходят к пророку Иезекиилю старейшины Израилевы для того, чтобы спросить Господа, и вновь Он отказывает им в ответе. Господь через пророка перечисляет все предательства (в истории) избранного народа, от египетского до вавилонского плена. Страшный и поучительный список, потому что нечто подобное повторяется в истории очень многих, если не всех народов, вступивших в завет с Богом. Нельзя не заметить, насколько то, о чем Бог говорит в 20-й главе книги пророка Иезекииля, похоже на двоеверие ранней эпохи русского или европейского христианства, которое так мучительно и трудно преодолевала Церковь. Поэтому так важно и для нас то, что Господь говорит в этой связи.

Дело в том, что в Израиле предпленной эпохи начала распространяться идея о том, что нарушенный завет с Богом лучше вовсе забыть. Пусть мы не смогли быть верными и исполнить его... Теперь мы будем «как все», лишённые благоденствий Божиих, но и свободные от обязательств перед Ним. Вот об этом Господь говорит: «Что приходит вам на ум, совсем не сбывается». Пусть народ-богоносец отступил от завета, но Бог не отступит от него. «Я проведу вас под жезлом и введу вас в узы завета», – говорит Господь. Он говорит об очистительном бедствии, в котором каждому человеку в отдельности будет предоставлена возможность пожать плоды своего выбора, но Израиль как народ будет восстановлен Богом из остатка именно как народ завета.

Снова Господь возвещает, что неверность людей, пагубная для них самих, не превосходит верности Бога. В связи с этим вспоминаются слова преп. Симеона Нового Богослова из его молитвы перед Причащением: «Ни величина прегрешений, ни количество грехов не превосходят Бога моего многого долготерпения и человеколюбия крайнего». Замысел Божий охватывает не только спасение Израиля, но и спасение всех людей, поэтому он не может быть остановлен. И Бог обещает, что истинная милость Его будет узнана нами, когда Он поступит со Своим народом не по их грехам, а ради славы имени Своего. И это грядущее действие Божие «ради славы имени Его» сравнивается в последних стихах главы со всепоглощающим лесным пожаром. Сам Господь Иисус Христос обращается к этому образу, говоря: «Огонь пришел Я низвести на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»²⁷

Снова и снова провозглашает пророк слово Господа о приближающемся разрушении Иерусалима, и с каждым разом пророчество становится все более детальным, потому что приближается его исполнение. Сам ли пророк или его ученики собрали его слова в единую книгу, доподлинно неизвестно, однако фактически она стала хроникой приближающейся беды.

Пророчество о царе Вавилонском как о наостренном мече, которое мы читаем в 21-й главе, много дает для понимания библейского взгляда на историю. Подобные мысли встречаются и у других пророков, но особенно близки к ним пророчества Второисаии о царе Кире, которые прозвучали несколькими десятилетиями позже. Обоих царей, Навуходоносора Вавилонского и Кира Персидского, пророки называют избранными орудиями Божьими. Первый из них – меч гнева Божьего, второй – орудие избавления. Важно, что каждый из них действует из своих собственных побуждений, и оба они – язычники, хотя Навуходоносор враждебен вере Израиля, а Кир – напротив, благоволит ей. Но они не знают Бога и действуют самостоятельно. Тем не менее в их действиях проявляется воля Всемогущего, Который не зря называется в Библии Царем царствующих и Господом господствующих.

Для этих царей то, что они исполняют волю Бога Израилева, помимо своей воли и неосознанно, ничего не меняет – они и не думают об этом. Но для избранного народа, для всех, верующих Богу, этот факт меняет все. Судьбы Израиля определяются не волей царей, и не к ним следует взывать об избавлении. Все, происходящее с народом, происходит в отношениях между ним и Богом – и других самостоятельных участников в этой истории нет.

²⁷ Лк. 12:49.

Еще одно перечисление беззаконий Израиля предлагает нам пророк Иезекииль в 22-й главе, и в нем, как и в других, обнаруживаются несколько характерных моментов. В первую очередь бросается в глаза то, что в списке «мерзостей Израиля» совершенно наравне и впере­мешку пророк перечисляет нравственные грехи (точнее – безнравственные) и грехи религиоз­ные, преступления против Бога и против человека. Они не только не отделяются друг от друга по природе и последствиям, но подчеркнуто соединяются. Сам по себе этот факт – величайшее откровение, непостижимое для так называемой «естественной религиозности». В целом это одно из самых важных откровений Ветхого Завета.

Далее, предлагая выплавку серебра как образ очищения и праведности, Господь говорит, что в переплавке, которой подвергается человек с момента заключения Синайского завета, народ Израилев сделался шлаком (в Синодальном переводе – изгарью, в Септуагинте – приме­сью). Синодальный перевод избирает здесь очень точное слово, потому что изгарь – не просто примесь, но примесь, которая выгорает при переплавке. Важно, что переплавка необходима для того, чтобы выделить очищенное драгоценное серебро, – и потому неизбежно сгорание изгари. Господь говорит о пламени, которое охватит всех, весь Израиль – и только те, кто были чистым серебром, уцелеют в нем и выйдут из него очищенными. Впервые в Библии мы встре­чаемся с этим образом испытывающей веру и очищающей переплавки; потом к нему будут обращаться в своих посланиях апостолы Петр и Павел, встретится он и в Апокалипсисе.^{28 29}

Наконец, в последней части главы Господь вновь говорит об отвратительной картине со­вращения политических и духовных вождей народа, и здесь Он произносит удивительные слова: «Искал Я у них человека, который поставил бы стену и стал бы предо Мною в проломе за сию землю, чтобы Я не погубил ее, но не нашел». Стоящий в проломе, которого искал Гос­подь, – кто это? Ведь совсем недавно Он говорил, что даже великие праведники, Ной, Даниил и Иов, не смогут спасти ничьей души, кроме своей. Кто может быть заступником, защитником погибающих? По контексту понятно, что речь идет о Праведнике, который противостоял бы всем перечисляемым беззакониям Израиля. Вспомним в этой связи диалог Авраама с Богом, где Бог говорит о том, что если бы нашлось в Содоме малое число праведников, город бы не погиб. Так, слова о том, кто стал бы в проломе, предваряют пророчества о Христе, которым будет посвящена вторая половина книги пророка Иезекииля.³⁰

Вероятно, пророку Иезекиилю очень много раз, быть может – постоянно, приходилось говорить приходившим к нему иудеям о том, почему с Иерусалимом произошло то, что произо­шло. Надо полагать, многие его проповеди были затем собраны в книгу; важно иметь в виду, что те, кто придавал тексту окончательную форму – боговдохновенные редакторы – едва ли считали нужным вычеркивать повторы... В 23-й главе пророк снова обращается к образу брака для обозначения союза между Богом и Израилем. После того как в 722 году до Р. Х. ассирийцы уничтожили Северное Царство и разрушили его столицу Самарию, в Иудее распространилось представление о том, что северяне были плохие, отделились от Иудеи, идолопоклонствовали и не участвовали в Иерусалимском культе – потому и постигла их катастрофа.

Но пророк Иезекииль говорит, что разницы между Севером и Югом нет: обе части народа ведут себя по отношению к Богу одинаково. Описываемый здесь образ двух блудниц вызывает ощущение гадливости, несмотря на тщательно сглаженную лексику современных переводов. С гневом и возмущением говорит пророк об участии старой шлюхи, обреченной подыхать под забором, но для нас не то что слова, самый смысл их воспринимается как «ненормативный», и потому вся глава вызывает смущение. Можно представить себе, какой ужас вызывали эти слова у слушателей Иезекииля, ведь речь шла о них и их народе!

²⁸ 1 Пет. 1:6—7, 4:12; 1 Кор. 3:12—15.

²⁹ 1 Пет. 1:6—7, 4:12; 1 Кор. 3:12—15.

³⁰ Быт. 18:22—33.

В ясной и логичной структуре проповеди Иезекииля важно выделить одну существенную мысль. Об уничтожении Самарии ассирийцами и разрушении Иерусалима вавилонянами (халдеями) пророк говорит как о результате собственных поступков двух блудливых сестер. Гнев Божий проявляется в том, что на отступников обращены последствия их собственных беззаконий. Но не в этом видит пророк суд Божий, он различает в этой главе суд и гнев. На это важно обратить внимание, потому что мы, напротив, не умеем ясно различать их. Пророк говорит, что судом для распутной страны будут мужи праведные, которые осудят ее преступления.

Речь идет о традиционном для библейского богословия понятии остатка – это мужи, не преклонившие колена пред идолами, как назвал их Сам Бог в откровении пророку Илии. Именно они станут серебром, очищенным в пламенеющем горниле вавилонского плена, о котором шла речь в предыдущей главе. И именно их праведность станет судом, который осудит преступление Израиля. Одновременно эти слова обращены к пленникам, призванным очистить свои сердца и возродиться в вере, и продолжают тему Праведника, того единственного, кто «стал бы в проломе» за народ. Ведь остаток, о котором идет речь, – невидим, ему еще только предстоит проявиться в истории. И в этой связи образу распутных сестер противопоставляется в общебиблейском контексте образ Пренепорочной Девы, Матери Праведного: в книге пророка Иезекииля мы еще встретим мысль о Ней, хотя очень и очень прикровенную. В сущности же, весь ход истории очищения и спасения мира, как объясняет его пророк Иезекииль, направлен на то, чтобы в горниле очищения род праведных Израиля породил именно Ее – Ту, Чья чистота достойна Всемогущего.³¹

Ровно за год до разрушения Иерусалима Навуходоносором, в конце декабря 589 – начале января 588 гг. до Р. Х., пророк Иезекииль записывает последнее пророчество, впервые называющее сроки. День, когда совершится все, предсказанное пророком ранее, назначен, и оповещение пророка о нем становится своего рода печатью, которая запечатывает все предыдущие пророчества. Исполнение его в срок, в свою очередь, станет подтверждением и подлинности обличений, произнесенных пророком Иезекиилем, и утверждением возвещенной им невероятной надежды.

Призывая пророка совершить еще одно пророческое действие, предложить Израилю еще одну зримую притчу, Господь говорит именно о неотменимости участи, уготованной Израилю. Никакие удары судьбы, даже вавилонское завоевание, не смогли очистить мерзости насилия и идолопоклонства избранного народа. Уже окончательно становится ясно, что народ сделал свой нравственный выбор и не изменит его, не обратится к Богу. Поэтому из потенциальных грядущие бедствия становятся реальными, неотвратимыми, как движение планет.

После этого пророчества умирает жена Иезекииля, и Бог повелевает ему совершить новое знамение, запрещая исполнить траурные обычаи. Все, что перечисляется в 16–18 стихах, было в Израиле таким же выражением траура, каким у нас являются черная одежда, завешанные в доме зеркала и накрытый куском хлеба стакан на поминках. Вместо всего этого Бог повелевает пророку молчать, в безмолвии переносить свою скорбь. Это будет для иудеев знаком того, что они будут изгнаны из Иерусалима, от поруганного Храма, и не с кем будет им разделить это горе – ведь именно такова цель траурных обрядов. Снова мы видим в книге пророка Иезекииля взгляд на историю, в которой нет иных участников, кроме человека и Бога.

Но безмолвие пророка и много более глубокий символ. Дело в том, что люди становятся свидетелями тайны – исполнения спасительного замысла Вседержителя. «Да молчит всякая плоть пред лицом Господа!» – восклицают пророк Захария и Литургия Великой Субботы. Молчание пророка становится прообразом немоты, охватившей свидетелей Крестной Жертвы

³¹ 3 Цар. 19:18.

Спасителя. Разрешится это безмолвие, говорит Господь, когда пророк получит из Иерусалима весть о том, что все предреченное совершилось.³²

История Израйля и его отношений с Богом занимает центральное место в Библии вообще и в Ветхом Завете в особенности. Обращаясь к Своему народу, Господь все время говорит о том, что Он – единственный Господь, и судьба каждого человека и народа в целом определяются только отношениями с Ним, верностью Его завету. Но это не значит, что в истории мира нет иных участников, кроме Бога и Израйля. Начиная с 25-й главы, пророк Иезекииль включает в свою книгу суровые слова о целом ряде окрестных народов, осмысливая тем самым их место в единой истории человечества.

Отношения Израйля с соседями всегда были, мягко говоря, напряженными. Во многом родственные ему, эти племена на протяжении веков служили для израильтян источником соблазна, главным образом – религиозного. Именно опасность вовлечения в идолопоклонство обусловила многочисленные религиозные запреты на общение с иноплеменниками. По понятным психологическим причинам это привело к тому, что израильтяне привыкли смотреть на иноплеменников как на людей нечистых, чем-то плохих. Нетрудно догадаться, что эти народы отвечали Израйлю тем же, потому что людям вообще свойственно с легкостью впадать в состояние взаимных претензий и взаимного презрения. В ходе истории народы Ханаана порой были подчинены израильским царям, порой становились самостоятельными, а иногда и вступали с израильтянами в военно-политические союзы. Но эти отношения всегда строились на фоне отделения в религиозной области и никогда не были искренними.

Когда Израиль, нарушивший завет со своим Создателем, подвергся ударам сначала со стороны Ассирии, а потом и Вавилона, соседние племена относились к этому с изрядным злорадством. Это выражалось отнюдь не только в презрительных словах об Израйле и его Боге: многие племена и царьки Палестины стремились заодно с вавилонянами поучаствовать в разграблении Святой земли. Нередко полуразрушенные и беззащитные селения израильтян подвергались опустошительным нападениям соседних народов, уничтожавших то, что осталось после вавилонян. Как шакалы, они доедали то, что осталось после кровавой трапезы льва. Для Израйля это было едва ли не большим бедствием, потому что после этих ударов подняться было уже невозможно: соседние народы превращали страну в пустыню. Особенно мучительно было то, что эти племена были родственны Израйлю и в течение долгого времени жили с ним в единой стране...³³

Действия соседних народов не могли встретить сопротивления разрушенного Израйля, но не могли и не получить нравственной оценки. Еще пророк Амос говорил в начале своей проповеди о том, что требования элементарной человечности предъявляются Богом ко всем народам без исключения. Пророк Наум меньше чем за полвека до гибели Иерусалима говорил о судьбе Ассирии, подвергая ее именно такой нравственной оценке. Во второй половине 6-го века набегам эдомитян на разоренную Иудею будет посвящена небольшая книга пророка Авдия. Не обходит этой темы и пророк Иезекииль.

Суть его пророчеств об окрестных народах в первую очередь заключается в том, что последние ответственны перед Богом за свои действия, даже если сами они этого не осознают. Господь говорит пророку, что эти народы, пытающиеся пинать поверженный Иерусалим, не избегнут той же участи, потому что и на них распространяется правило: «не делай другому того, чего не хочешь себе». В контексте книги пророка это очень важно. Бог говорит о том, что вавилонское нашествие – это меч Божий, служащий не для уничтожения, но для очищения Израйля. И потому все, пытающиеся нажиться за счет страдающего народа Божьего, не останутся безнаказанными. Их незаконная жестокость по отношению к Израйлю падет на них,

³² Зах. 2:13.

³³ Ср., напр., Пс. 136:7.

и сами они подвергнутся той же участи. В известном смысле окрестные народы в данной исторической ситуации уподобляются пророком тем иудеям, которые насмехались над Распятием Христом, не понимая того, что происходит перед их глазами.

Продолжая возвещать определения Творца о судьбе соседних с Израилем народов, пророк Иезекииль говорит в 26-й главе о судьбе Тира, одного из самых богатых и славных городов той эпохи. Тир был крупнейшим и знаменитейшим центром морской торговли, укрепления которого могли поспорить разве что с иерусалимскими. Тирские цари держали в своих руках торговлю пурпуром и металлами, а самое главное – торговлю лесом, исключительно ценным для древнего Ближнего Востока. На заре Израильского царства, при Давиде и Соломоне, цари Тира были союзниками израильтян; царь Хирам поставлял кедровое дерево для постройки Иерусалимского Храма и дворца Соломона.

Впоследствии отношения этих государств и народов осложнились, и в начале 6-го века жители Тира рассчитывали поучаствовать в разграблении Иерусалима. Едва ли хоть кому-нибудь из них удалось это; скорее всего, дело ограничилось заявлениями. Но, как скажет потом Господь Иисус, «от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься». Злорадство, даже просто отсутствие сострадания становятся причиной того, что Тир постигает точно та же участь, что и Иерусалим.³⁴

Поражает подробность, с которой говорит пророк: его слова о Тире во много раз страннее, чем о других народах. Лишь отчасти можно объяснить это поэтическим настроением, потому что пророк вовсе не ставит перед собой литературных задач. Скорее, он подразумевает задачу духовную. Детально говоря иудеям о трагической судьбе Тира, пророк, во-первых, дает им возможность убедиться в истинности пророчества. Кроме того, говоря о сходстве участи Иерусалима и Тира, он подчеркивает единство нравственных требований, предъявляемых Израилю и всем остальным народам. Самое же главное – пророк неявно призывает иудеев не уподобиться жителям Тира и иным народам, но научиться состраданию. Именно пожалев о страшной судьбе тирян, они могут обрести сострадание Вседержителя.

Пророк Иезекииль в плаче о гибели Тира дает такое подробное описание его величия, что его слова стали важным историческим источником. Прислушаемся к его словам: все было у Тира. Металлы и дерево, и всякая торговля буквально со всей обитаемой землей. Но ничто из этого не помогло Тиру в день бедствия, ничто не защитило этот город, величие которого уже не суждено было возродиться. Не было главного, что придает смысл всему земному бытию, не было Бога. А без этого все величие Тира – суета сует и погоня за ветром.

В контексте пророчества также важно, что Иезекииль говорит о сетовании и плаче. С одной стороны, пророк перебрасывает мост от печальных размышлений в духе Экклесиаста к словам Господа Иисуса Христа: «Ищите прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам». С другой стороны, сострадание подвергшимся мечу и разорению тирянам – одновременно признак и пример духовного здоровья. Пророк говорит не только без злорадства, но с состраданием, достойным его Владыки.³⁵

Слово пророка Иезекииля о судьбе тирского царя исполнено неприкрытого сарказма по отношению к язычеству вообще и языческому государству в частности. В язычестве не было ясного различия между божеством и людьми. Только Откровение, данное Моисею, говорит о том, что природа Бога непостижима для людей и бесконечно превосходит все, что доступно нашему познанию. Язычники, напротив, любили возводить генеалогию выдающихся деятелей к тем или иным богам: мы видим это и в титуловании египетских фараонов, и в античном культе героев, и в мифологиях множества древних и современных языческих народов. Быть может, герои, происходящие от браков божества и человека, – единственный для язычника спо-

³⁴ Мф. 12:37.

³⁵ Мф. 6:33.

соб помыслить о гипотетической возможности встречи с Божеством... Так или иначе, жители Тира не составляли здесь исключения.

Еще один важный аспект этого языческого человекобожия и культа героев – то, что он очень часто использовался для обоснования феномена государственной власти. В нашем современном круге понятий мы говорим о легитимности как о свойстве власти и стараемся пропагандировать эту легитимность для того, чтобы объяснить, почему эту власть надо слушаться. Для нас, как и в древности, очень труден оказывается тот сугубо функциональный подход к земной власти, который свойственен Новому Завету, в частности – посланиям ап. Павла. Именно поэтому мы порожаем разнообразные мифы о величии государств. Обожествление царей или их предков в древности было своеобразной пиар-акцией, призванной объяснить подданным, почему этого царя надо слушаться.

Но радикальное отличие мифа от Божественного Откровения заключается в том, что при соприкосновении с реальностью миф рушится, а Откровение утверждается и становится внятным. Когда смотришь на реальную политику Нерона – становится ясно, что он никакой не гений и не земной бог, а просто мелкий и злобный тиран. Когда тирский царь, как говорит пророк Иезекииль, оказывается перед лицом чужеземных войск – становится ясно, что никакой он не бог, а просто человек, который слишком много о себе возомнил.

Так вскользь, в контексте разговора о судьбах народов, пророк касается темы обожествления государственной власти и ее носителей – и не оставляет от этой идеи камня на камне. И выявленная им смехотворность претензий тирских царей на божественный авторитет становится фоном для пророчества о том, что Истинный Бог соберет Свой народ и восстановит его.

Возвещая близкую гибель Египта, Господь говорит через пророка Иезекииля в первую очередь о неверности фараонов, на военно-политические союзы с которыми так надеялись иудейские политики. На самом деле, Египет в течение многих веков стремился использовать и Израиль, и другие народы Палестины то как плацдарм, то как буфер между собой и последовательно сменявшимися друг друга агрессивными ближневосточными империями – хеттами, ассирийцами и вавилонянами.

Вожди Израиля, полагавшиеся на военную мощь Египта больше, чем на милость Бога, уже получили свое – об их судьбе уже все сказали и Иезекииль, и его предшественники в пророческом служении. Духовная, да и политическая пагубность этих упований ярко прослеживается у многих пророков. Но то, что Израиль не должен был полагаться на Египет, не отменяет обязанность фараонов быть порядочными людьми и избегать вероломства. Это один из важнейших аспектов слова пророка, обращенного к фараону.

Кроме того, Господь говорит о том, что фараон не признает никого выше себя, как и царь Тира, о котором шла речь в предыдущей главе. Фараон, что называется, «царь и бог и воинский начальник» – и не знает ни политической, ни нравственной ответственности ни перед кем. Поэтому поступки фараона становятся ярким примером того, как вырождается нравственный облик человека без веры, без почитания Единого Бога, Владыки неба и земли.

Для иудеев в вавилонском плену было также чрезвычайно важно услышать, что Бог говорит о предстоящем восстановлении Египта. Оказывается, не только избранный народ будет восстановлен и спасен Богом – Его замыслы простираются и на тех, кого иудеи привыкли считать богопротивниками. Замечательно, что как гибель и восстановление Иерусалима совершаются ради очищения избранного народа от греха, так и восстановление Египта будет избавлением от его наиболее существенного греха – гордыни.

А богатства... Богатства Египта достанутся Навуходоносору как вознаграждение, так как деятельность его (в данном случае – против Тира) служит, помимо его воли, исполнению замыслов Творца. Собственно, Синодальный перевод (как и некоторые другие) прямо говорит: «Потому что они делали это для Меня». «В награду за труды дана земля Египетская, за сделанное – так говорит Господь» – еще один вариант перевода. За этим, несколько туманным, выра-

жением стоит, насколько можно судить, характерное для пророков (и крайне непривычное для современного читателя) представление о Боге как о единственном действующем лице истории.

В той части пророчества о судьбе Египта, которая входит в 30-ю главу, выделяются два важных момента. Во-первых, Господь говорит об истреблении ложных богов и идолов, которым поклоняются египтяне; в общем контексте пророчества о духовном и нравственном очищении Египта этот факт имеет непреходящее значение. Дело в том, что среди верующих иудеев было распространено представление, что Бог предназначил для спасения лишь немногих избранных, и им Он открыл Себя. Остальные же, не просвещенные светом Божиим и пребывающие во мраке язычества, обречены погибнуть навек как богопротивники. В меньшей степени это проявлялось в эпоху Первого Храма, но во времена Второго Храма, за полвека до строительства которого произносится это пророчество, это представление стало основой религиозной идеологии иудеев. Именно поэтому, в частности, такой гнев вызвали в Назаретской синагоге слова Господа Иисуса Христа об исцелении Неемана Сириянина. Нередко возрождается эта идея и в новозаветные времена. Однако замысел Божий не таков.³⁶

Господь открыто и ясно говорит, что Он сокрушит ложных богов и очистит Египет. Здесь пророчество Иезекииля соприкасается с пророчествами Второисаии, Захарии и Иоилия об обращении язычников. Иезекииль указывает не просто на некие народы, ранее не знавшие света Истины, но на конкретный народ Египта, некогда бывший врагом Бога и избранного народа, но впоследствии ставший одним из значительных центров христианства.

И второй важный момент – это слова об исцелении Египта. Снова и снова повторяет пророк эту мысль, чтобы слушатели его увидели свою судьбу в контексте всего спасительного замысла Божия об очищении мира.

Пророчество Иезекииля о судьбе Египта завершает притча о высоком кедре, в иносказательной форме повторяющая главную мысль пророчества. В начале притчи высокий и превознесенный кедр – символ Ассирии, жестокой державы, возвысившейся за счет угнетения ближневосточных народов. Меньше, чем за полвека до пророчества Иезекииля, Ассирия пала под ударами вавилонян, и это падение в корне изменило всю стратегическую ситуацию на Ближнем Востоке.

Вторая половина притчи использует тот же образ высокого кедра для обозначения Египта, соперничавшего с Ассирией в военной мощи и влиянии. Говоря о падении высокого кедра, пророк сопоставляет гибель Египетского государства с гибелью Ассирии, основываясь на общих обеим державам беззакониях: идолопоклонстве и жестокости. Для библейского отношения к истории эта притча очень характерна: наблюдающие историю в течение многих столетий авторы и редакторы Священного Писания находят в ней подтверждения тому, что всякая мощь без служения Богу обречена на исчезновение.

Весьма возможно, что в словах жившего в Вавилонии Иезекииля есть и политический подтекст, который он вынужден облекать в форму притчи. Дело в том, что вавилонская империя практически ничем не отличается ни от Ассирии, ни от Египта, ни от других древних империй. Говоря об их общей судьбе, пророк, возможно, намекает на то, что не уйдет от нее и Вавилон. Уже следующее после Иезекииля поколение станет свидетелем падения Вавилона под ударами персов.

Таким образом, пророк видит в истории два накладывающихся друг на друга процесса. С одной стороны, одна за другой сменяются империи, похожие как две капли воды. Каждая из них грабит, переселяет и уничтожает все, что попадает на ее пути, и каждая гибнет, разрушенная следующей. Надо сказать, что в этот ряд, кроме упомянутых пророком Ассирии и Египта, укладываются и Вавилон, и Персия, и империя Александра Македонского, и Рим, и далее... вплоть до Третьего рейха и советского блока. Но в этой последовательной смене

³⁶ Лк. 4:21—30.

принципиально ничего не меняется и ничего принципиально нового не возникает. Поэтому эти события для пророка – не суть истории, но лишь фон (или покров) для того, что совершает в ней Господь. Главное – именно Его замысел, направленный на спасение мира. При всей тяжести обвинений Израилю, он нужен Богу для этой великой цели и потому, подвергаясь очищению, не разделяет общей участи человеческих государств.

Пророк говорит в притче о деревьях Едемских, насаждении Божьем. Вовлекаемые в водоворот политической истории, они тем не менее остаются иноприродными ей, потому что смысл их существования – не в их величии, но в Боге. Далее пророк скажет еще одно слово о Египте, а потом перейдет к действиям Бога в судьбе Израиля и всего мира. Он будет говорить о спасении, о Новом Завете и приходе Мессии – и какой мелочью покажется по сравнению с этим весь этот круговорот империй... Не только отдельный человек, но и страны и народы, чтобы не разделить судьбу Ассирии и Египта, должны искать того, что достойно вечности. А это – только Завет с Богом.

Подводя итог пророчествам о судьбах народов, пророк Иезекииль еще раз подчеркивает единство их участи. Все они «сойдут в преисподнюю» и будут «лежать с необрезанными». Речь идет о пребывании в удалении от Бога и от жизни. Однако это не вполне соответствует мрачному Аиду древних греков; греческий перевод говорит здесь о «глубинах земли». Здесь не идет речь о мучениях, которые должны стать возмездием за беззакония, сделанные в земной жизни. Глубины преисподней в представлении Иезекииля скорее напоминают какой-то жуткий склад, в котором находятся люди, лишившиеся жизни. Его главные черты – мрак и непроницаемое молчание. Никакие события или действия не прерывают ледящего покоя этого безжизненного места, и люди в нем, даже помещенные вместе, все же пребывают в одиночестве.

Иудеи называли преисподнюю, о которой говорит пророк, словом «Шеол». Как и из греческого Ада (Аида), из Шеола нет возврата, но нет в нем и справедливого воздаяния. Он уготован равно добрым и злым, нечестивым и праведникам. Победенные смертью, лежат они здесь, отравленные ядовитым жалом. Об этом жале с ужасом и надеждой писал во второй половине восьмого века до Р. Х. пророк Осия.³⁷

Пророк Иезекииль говорит, довольно неожиданно, что в Шеоле отделены «лежащие с необрезанными»; следовательно, должны быть отделены и «лежащие с обрезанными». Зачем? Ведь участь тех и других одинакова... Здесь мы сталкиваемся с некоторой еще не вполне оформленной верой в то, что Шеол – это еще не все. Умершие пребывают здесь не окончательно, но лишь до некоего последнего дня, который, конечно, идентифицировали с пришествием Господним. Возврат, освобождение из Шеола – возможно ли это? Ответ на этот вопрос Бог даст пророку Иезекиилю в следующих главах.

Вновь пророк обращается к судьбе избранного народа и, начиная с 33-й главы, произносит целый ряд исключительно важных пророчеств. Первое пророчество в этой части книги, как и изложенные пророком выше, говорит о воле и промысле Божиим и об ответственности человека. Кроме того, в словах пророка появляется важнейшая тема веры и доверия Богу. Но, кроме содержательной стороны Откровения, в его словах мы слышим отзвук событий и духовной атмосферы тех дней.

Насколько можно судить по тому, что Бог говорит Иезекиилю, пророчество Иезекииля стало для его соплеменников жутковатой забавой. В исполненных горечи словах пророка они находят некое странное удовольствие, ради которого и приходят слушать Иезекииля. Однако воспринять его слова как Слово Божие, обращенное лично к ним, его слушатели не хотят. Проповедь пророка стала для них тем, чем для наших современников бывают концерты духовной музыки, когда мы услаждаем свой слух, отмахиваясь от содержания.

³⁷ Ос. 13:14.

Можно представить себе, как горько было для пророка такое отношение и как оскорбительно оно для Всемогущего Бога. Для Иезекииля, как и для любого человека, это серьезное духовное испытание, всю тяжесть которого можно оценить, только испытав его. Никаких человеческих сил не хватит для того, чтобы выдержать это, и в начале главы пророк говорит о том, как Бог укрепляет его. Положение и духовные задачи Иезекииля не таковы, как у его предшественников и современников. Господь не повелевает ему, как Иеремии, «губить и разрушать, созидать и насаждать». Иезекииль должен только произнести то, что скажет ему Бог, «будут они слушать или не будут». И снова Господь повторяет то, что Иезекииль уже записывал во 2-й главе: «...Но пусть знают, что был пророк среди них».

Если пророк промолчит, неважно, из страха или ощущения бесполезности своих усилий, то ответственность за гибель людей будет на нем. Если же пророк произнес то, что повелел ему Бог, то, говорит ему Господь, каждый человек сам отвечает за то, как он реагирует на слова пророка. Каждый волен услышать или не услышать их, поверить или не поверить. В чем же суть возвещаемого Откровения?

Центральная в содержательном отношении часть главы – стихи с 10-го по 20-й. Среди изгнанных израильтян в это время распространился пессимистический взгляд на свою участь. «Мы согрешили, – говорили они, – и нет нам спасения. Ну и ладно, теперь уже все равно... будем как все народы...» Израильтяне думают, что Богу была нужна от них праведность, и, не добившись ее, Он бросит их на произвол судьбы. За этим безразличием и пессимизмом стоит неверие в благодать Божию, неверие в то, что Бог хочет спасения. Против этого и направлены великие слова 11-го стиха, где Бог открывает Свою волю о нас: «Не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был». Бог хочет не возмездия и даже не столько праведности, как соответствия тому или иному эталону – Он хочет, чтобы сердце человека было направлено к Нему и чтобы человек жил. Это грандиозное Откровение – основа всей нашей надежды.

И далее Господь говорит о том, что у любого человека есть шанс. Иудеи думают, что прежней праведностью можно искупить беззаконие. Нет, говорит Господь, нельзя. И иудеи не верят, что обратившийся беззаконник может обрести благоволение в очах Божьих. Господь говорит, что если беззаконник обратится, то он будет спасен. Суть дела, таким образом, именно в направлении сердца. Правда Божья не такова, как ожидают люди, но именно такая благая воля Творца и есть правда. И Господь призывает слушателей пророка поверить и обратиться. «Для чего вам умирать?» – говорит Он. Смысл этих слов практически совпадает с последним призывом Христа к Иерусалиму: «О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему!» Покаяние, к которому призывает Бог свой народ, состоит, таким образом, не просто в признании своих грехов (это раскаяние, а не покаяние). Подлинное покаяние заключается в деятельном доверии к тому, что Бог хочет нашего спасения. Отвратиться от злых дел своих, обратиться к Богу, доверяя Его воле о нашем спасении, доверяя Его словам о том, что прощение возможно для смиренных сердцем – вот смысл подлинного покаяния.³⁸

34-я глава занимает центральное место в книге, потому что именно здесь Господь говорит пророку о грядущем приходе Мессии, Пастыря Израиля. Целый ряд замечательных библейских текстов параллельны этой главе, главный среди них – слова Самого Господа Иисуса Христа о том, что Он – Пастырь добрый (10-я глава Евангелия от Иоанна). Кроме того, Господь направляет апостолов «к погибшим овцам дома Израилева», а обращение грешника изображает как обретение пастырем заблудившейся овцы.

Начинается же это пророчество с обличения тех, кто должны были бы быть пастырями народа Божьего, но не стали таковыми. Господь говорит страшные вещи о пастырях, пасущих самих себя и не заботящихся о состоянии народа. Внимательный взгляд не может не заметить,

³⁸ Лк. 19:42.

насколько точно приложимы слова пророка не только к современным ему священнослужителям, но в еще большей степени – к первосвященникам и книжникам времени земного служения Господа Иисуса Христа. Да и не только к ним, увы.

В первую очередь для нас важно само по себе уподобление народа Божьего овечьему стаду. Характерное для целого ряда псалмов, например 22-го, 79-го, 94-го и 99-го, оно происходит из глубокой древности, когда Господь, как Пастырь, вывел народ Свой из Египта. В псалмах понятие паствы Господней противопоставляется уклонению в идолопоклонство. В дальнейшем Новый Завет неоднократно обращается к этому образу. Господь говорит о Себе: «Аз есмь Пастырь Добрый», – и эти слова восходят именно к пророчеству 34-й главы Иезекииля о Мессии как о Пастыре. Тем самым Христос говорит, что Он и есть Тот Самый предначертанный пророками Пастырь Израиля. И далее, поставляя апостола Петра на его служение, Господь повелевает ему: «Паси овец Моих». Сам Петр в своем Первом послании передает это поручение своим братьям: «Пасите Божье стадо, которое у вас», – и его слова тоже отсылают нас к 34-й главе Иезекииля.

То, что Библия говорит о Церкви, о народе Божьем (ветхо- и новозаветном) как о пастве, всегда подразумевает, что Сам Господь, как во дни Исхода, будет вести народ Свой и заботиться о нем. Но в каждую эпоху есть люди, кому Он поручает исполнять это. В большой степени это поручение связано с той ответственностью, о которой говорил Бог пророку Иезекиилю в предыдущей главе. Воля Господа – не в смерти, но в обращении и спасении грешников, а ответственность пророков и пастырей – открыть правду Божью каждому человеку. Но, в отличие от самого Иезекииля, современные ему пастыри народа Божьего не принимают на себя эту ответственность...

Поставленная перед пастырями задача описана пророком в 4-м стихе, и, поскольку мы имеем дело со сквозной, проходящей через оба Завета темой, она остается неизменной для всех служителей Единого Бога, как в Ветхом, так и в Новом Завете. Господь говорит, что пастыри должны были заботиться о духовном (и физическом) состоянии стада: укреплять слабых, врачевать больных и израненных, заботиться об обращении заблудших. Вместо этого они заботятся о собственном благополучии и почете, о благолепии Храма, о чем угодно – кроме того, что нужно. Каждому человеку, а особенно – пастырю, поручается отдавать другим Божью любовь и милость. Понятно, что никто из людей не способен делать это в совершенстве, однако тайна присутствия Божия там, где мы собраны во имя Его, наполняет нашу несовершенную милость Его полнотой и исцеляющей силой. «Вы правили ими с насилием и жестокостью», – говорит Господь, значит, пастыри Израиля перекрывают важную возможность для распространения милости Божьей в мире.

В сущности, пастыри Израиля подменили служение, которое поручил им Господь, заботой о поддержании правильного культа (и собственном благополучии), являвшейся единственной функцией языческих жрецов у соседних с Израилем народов. Они забыли главное в законе: суд, милость и веру, в то время как, говоря словами Господа Иисуса, «того следовало держаться и этого не оставлять». И Господь говорит, что так больше не будет.

О том, как Он будет отныне пасти народ, Господь говорит: «Я Сам отыщу овец Моих», «Я буду их Пастырем», «буду пасти их по правде». В сочетании со словами о том, что Мессия будет новым и истинным Пастырем народа, эти слова, как и у других пророков, являются неявным пророчеством о Богочеловечестве Христа. С одной стороны, это будет Мессия, потомок Давида, и, с другой стороны – «Я Сам», говорит об этом Бог.

Совершенно поразителен в сопоставлении с Евангелием отрывок с 17-го по 22-й стих, где Господь говорит о том, что Он будет судить между овцами: «И рассужу между овцой и овцой». Отношения (в том числе и конфликты) между людьми становятся местом присутствия и действия Самого Бога. Другими словами, Он говорит то же самое в 25-й главе Евангелия от Матфея: «Что вы сделали одному из малых сих, то Мне сделали». С приходом Мессии

уже невозможны нравственно и духовно безразличные отношения между людьми – в любое такое отношение включается Господь. И эта евангельская мысль тоже, оказывается, предречена пророком.

Затем Господь обещает приход Мессии, потомка Давида, который и будет Пастырем народа Божьего. Немаловажно в этом обетовании, что Господь говорит: «И поставлю над ними одного пастыря... раба Моего Давида». Служение пастырей Нового Завета, таким образом, не полностью тождественно служению ветхозаветного левитского священства, потому что ответственность за судьбу овец Бог оставляет за Мессией. Отвлекаясь от контекста, нельзя не поразиться, как грандиозно это Обетование. Сам Бог будет нашим Пастырем, Он Сам будет вести каждого из нас к жизни, Он Сам будет врачевать наши раны и укреплять наши немощи. Он Сам, а никто иной! Это невероятная степень близости Божьей впервые открывается в книге пророка Иезекииля.

Завершается 34-я глава Откровением о Новом Завете. Пророк прибегает к апокалиптическим образам преображенного мира. Главное в его словах то, что с приходом Мессии будет заключен Новый Завет, и этот завет будет заветом мира, примирения нас с Богом. В нем будет даровано благословение Божье на всю жизнь людей, и нам будут дарованы мир, свобода и безопасность. Бог, как Пастырь, будет вести нас и будет «нашим Богом». Повторяющее первые слова Десяти заповедей («Я Господь, Бог твой»), это обетование подчеркивает, что Новый Завет по своему масштабу будет не меньше Синайского и в то же время будет его продолжением и исполнением. А слова «и узнают, что Я, Господь Бог их, с ними» связывают это пророчество с пророчеством Исайи о рождении от Девы Младенца, имя которому «Еммануил, что значит: с нами Бог», и повествованием первой главы Евангелия от Матфея об исполнении этого пророчества.

Казалось бы, в 32-й главе книги пророка Иезекииля пророчество о соседних с Израилем народах закончилось, почему же пророк вновь возвращается к судьбе Эдома в 35-й главе? Или, может быть, вопрос нужно поставить так: почему это пророчество находится не в средней части книги, а помещено именно здесь, когда речь идет о Новом Завете? Однако ответ довольно очевиден, если обратиться к особенностям того, как говорят пророки о приходе Мессии и о Новом Завете, и взглянуть на следующую, 36-ю главу.

Все пророки, говоря об осуществлении замысла Божия, так или иначе прибегают к апокалиптическим символам. В этом ряду знаменитое «лев ляжет рядом с ягненком» Исайи, здесь «кровь, и огонь и курение дыма» Иоиля, и многое, многое другое. Такого же рода и помещенное в 35-ю главу пророчество Иезекииля о гибели Эдома. Дело в том, что эдомитяне, родственник Израилю народ, причинили избранному народу неисчислимые страдания. С алчностью набегали они на разоренные ассирийцами и особенно вавилонянами поселения Иудеи и оставляли после себя настоящую «выжженную землю». Жестокость эдомитян стала своего рода символом страданий избранного народа.

И потому пророчество о гибели Эдома продолжает слова 34-й главы о том, что в Новом «завете мира» Бог дарует Своем народу избавление и безопасность, а раны и страдания его будут исцелены. Продолжает оно и обещание исцелить больных и перевязать пораненных овец. Эдом, в сущности, является для пророка Иезекииля символом смерти: именно она в конечном счете будет побеждена Богом в Новом Завете. Но, кроме того, конечно, это и символ несправедливости, вероломства и жестокости, которым также не будет места на преображенной Воскресением Христовым земле. Глобальность этого обетования подчеркивается тем, что в начале 36-й главы Господь распространяет его на всех притеснителей.

В первой части 36-й главы пророк Иезекииль продолжает слово о погибели врагов избранного народа, о прекращении всякой жестокости и несправедливости. Он говорит удивительные слова о благословении Божьем на землю Израилеву, которая не будет уже землей страдания, не будет проклята за грехи живущих на ней людей. Конечно, это место нужно рас-

смаатривать параллельно со словами 3-й главы книги Бытия, где Бог говорит Адаму: «Проклята земля за тебя». Отмена этого проклятия происходит в результате избавления Израиля в результате прихода Мессии. Предреченное пророком благословение только начинает исполняться во дни Господа Иисуса Христа, окончательно же оно исполнится в конце времен. Так пророк соединяет спасительное действие Божье воедино: то, что будет происходить при возвращении Израиля из плена, события, связанные с приходом Мессии, и конец времен. Это типично для пророков, потому что они всегда говорят не столько о последовательности событий, сколько об их сути.

Далее Господь говорит о грехе Израиля нечто новое. С одной стороны, повторяя сказанное в первой части книги, Он вновь напоминает о вине народа: «Кровь, которую они проливали на этой земле и... они оскверняли ее идолами». Но, кроме того, Господь говорит, что тем самым израильтяне обесславили имя Божье, то есть не были верными свидетелями Его святости. Это повторение возвращает нас к главной проблеме: каким может быть избавление и как люди могут быть избавлены от своего греха и его последствий? Этот вопрос мучил Иеремию и Аввакума и многих других пророков. Есть ли какая-нибудь надежда после всего, что произошло?

Слово надежды – самое главное в 36-й главе. Господь говорит о Своей верности, о том, что избавление и спасение будут совершаться не ради вероломных людей, но ради Самого Бога. Пусть народ отрекся от Завета – но Бог не отрекся, хотя и имел к тому все основания. Эти слова – яркое свидетельство того, что побудительным мотивом спасения для Бога служит только Его любовь к нам. И поскольку Израиль обесславил имя Божие, теперь Сам Бог явит на них святость Свою, чтобы все народы узнали ее.

Объясняя, как именно будет явлена святость Божия на народе Его, Господь дает Иезекиилю пророчество о Пятидесятнице, о том, что людям будет дан дух новый, Дух Божий: «Вложу внутрь вас Дух Мой». Сердце плотяное вместо сердца каменного – знаменитейшие слова этой главы – это образ новой жизни, по сравнению с которой все, что мы знали раньше, безжизненный камень. И эта новая жизнь – плод Духа, о котором потом будет говорить апостол Павел. Словно предвосхищая слова Павла о законе и благодати в Послании к Римлянам, пророк Иезекииль записывает пророчество о том, что по даровании Духа народ Божий будет исполнять закон не из страха или верности, но потому, что дух, который в человеке, будет вести его по пути закона. Собственно, в контексте книги пророка Иезекииля это и есть спасение, потому что обратившийся от греха будет жить. Итак, Бог обещает совершить это спасение ради Себя Самого, «силой, действием и наитием» Святого Духа.³⁹

Великое обетование Божье о том, что спасение принесет духовное обновление человека, что Дух Божий будет дан людям, для пророка Иезекииля в первую очередь означает новую, иную жизнь. Вся книга его свидетельствовала о том, как губителен грех Израиля. Он говорил, что жестокость и идолопоклонство, от которых не способен отвратиться народ Божий, являясь непосредственной причиной его рассеяния и гибели Иерусалима. Теперь же, обновленные Духом, люди обретают благоденствие. Контраст между оккупацией и разорением, с одной стороны, и благоденствием – с другой, выражает несопоставимую разницу ветхой и новой жизни. Но понимает ли сам пророк свои слова буквально? И еще более важный вопрос: кто воспользуется этим благоденствием, даруемым Богом в обновленной жизни? Справедливо ли, что одни – согрешали, другие были угнаны в плен, чтобы послужить основой очищения и обновления, а третьи будут жить на благословенной земле? Соседи и друзья Иезекииля говорили о себе и своем народе как о груде сухих костей, оставленных в пустыне и не нужных никому, кроме шакалов. Что им обетование об избавлении, ведь их жизнь разрушена и они страдают под гнетом вавилонян?

³⁹ Гал. 5:22—23.

Ответом на все эти вопросы становится пророчество, которое Иезекииль помещает в 37-ю главу. Здесь он рассказывает о видении, которое Бог дал ему. Бог повелевает Иезекиилю обратиться именно к погибшим в страдании, уничтоженным собственным грехом людям со словами: «Кости сухие, слушайте слово Господне!» И, по велению Божию, сухие кости одеваются плотью и снова становятся человеческими телами. Пророк произносит слово от Господа, и Дух Божий входит в эти тела, и они оживают. То, что увидел пророк, мы называем воскресением мертвых, и надежда на него составляет неотъемлемую часть нашей веры. Но тогда, во времена пророка, не было даже термина, чтобы обозначить это, настолько невероятным было такое обетование Божье.

Пусть дом Израилев отчаялся и утратил надежду – верен Бог, Который воскресит его, и он будет жить. Вот, оказывается, как далеко простирается смысл слов «Не хочу смерти... но чтобы обратился и жив был»! Над самым страшным и неумолимым врагом людей, над самой смертью Бог обещает одержать победу. Благоденствие, о котором говорил Иезекииль в предыдущей главе, оказывается уже ничем не ограниченным, потому что даже смерть побеждена. Не какие-то отдаленные потомки, но все мы сами обречем эту новую жизнь, и завет мира выведет нас из гробов.

Пророк в первой части своей книги много говорил о личной ответственности людей, и пророчество о воскресении мертвых существенно дополняет его слова. Коль скоро каждый сам отвечает за себя, то каждый сам и получает воздаяние. Если проклятие не падает на потомков, то и благословение должно быть обречено верными Богу людьми. И уже не имеет значения то, что множество их побеждено смертью, – ведь Бог побеждает саму смерть.

Далее пророк говорит о еще одном важнейшем следствии избавления – о соединении разделенных людей. Две части народа Божьего, разошедшиеся в истории и едва ли не враждебные друг другу, будут собраны воедино, и это для пророка символ воссоединения всех людей.

В конце главы пророк повторяет самое главное из того, что было сказано о грядущем избавлении выше. Он говорит о Царстве раба Божия Давида (имеется в виду, конечно, Мессия, потомок Давида), о Его Пастырстве над всеми людьми и о вечном завете мира. Но это не простое повторение. Заключение Нового Завета, завета мира, включает в себя и воскресенных Богом людей, тех, кто не мог бы иначе участвовать в нем. Этим пророчеством Иезекииля спасение возвещается не только тем, кому суждено будет жить во дни прихода Мессии, но всем, кто жил и живет для Бога. И это придает смысл жизни, вере и надежде страдающих сынов Израиля, рассеянных среди народов. Сам Господь скажет об этом: «Наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения».⁴⁰

И, наконец, как венец всего спасительного действия Божьего, как кульминация обетования звучат слова Господа об этой новой жизни в воскресении: «Святынище Мое будет среди них во веки». Это обетование о вечном пребывании Творца среди людей, о новом Храме и его устройении, то есть, в сущности, о Церкви Нового Завета, будет главной темой заключительной части книги пророка Иезекииля.

Через Иезекииля и других пророков Бог не раз обличал лжепророков, предрекавших благоденствие в угоду желаниям слушателей. Можно сказать, что отличительной чертой подлинного пророчества, исходящего от Духа Божия, является полнота правды и удивительное сочетание трагичности и надежды. Это сочетание основано на том, что реальная жизнь людей исполнена страданий, и только Крест Христов приносит в нее свет. И истинные пророки, вестники Всемогущего, никогда не сглаживают своих слов. Поэтому после обетования воскресения мертвых в Царствии Божиим пророк Иезекииль не останавливается, но говорит всю правду до конца.

⁴⁰ Ин. 5:28—29.

Увидев чудное видение сухих костей, вновь облекающихся плотью и наполняемых жизнью, мы вместе с пророком как бы отступаем вдаль и видим картину, изображающую смысл истории. Это битва, схватка Бога и Его людей с силами зла. Чтобы мы могли увидеть это и не умереть и не отчаяться в ужасе, Господь ясно говорит о победе и воскресении и лишь потом показывает нам эту битву. Она происходит в истории всегда и продолжается после того, когда победа Божия уже стала реальностью.

Избавленные Богом, люди не прячутся в уютные кущи райского сада – нет, спасенный народ Божий становится бастионом в битве со злом, и без этого не может открыться нам полнота замысла Божия. В качестве символа сил зла взяты древние властители северных народов, чьи набеги вселяли ужас в тех, кто жил задолго до эпохи вавилонского плена. Безликая и страшная, эта сила приходит на землю Израиля, но в битве с ней все действия совершает Сам Бог, а народ Божий участвует в битве своей верностью спасшему его Богу.

С апостольских времен Церковь называла принявших крещение воинами Христовыми. Это представление теснейшим образом связано с той глобальной битвой со злом, о которой впервые говорит нам здесь пророк Иезекииль. Все мы призваны участвовать в ней, и это участие заключается в том, чтобы не сдаваться злу, хранить верность завету мира, которым Бог спас нас и даровал нам новую жизнь. Поле этой битвы – сердца людей, и Бог действует в наших сердцах, когда мы открываем их Ему.

«Без Меня не можете делать ничего», – сказал ученикам (и нам) Господь Иисус Христос. В первую очередь эти слова относятся к битве, описанной пророком Иезекиилем: никто из нас человеческими силами не может выстоять в ней. Но, пребывая во Христе, как ветви на лозе, мы даем Ему возможность побеждать в нас и через нас.⁴¹

И по жанру, и по содержанию пророчество о нашествии Гога теснейшим образом связано с Откровением Иоанна Богослова. Оба свидетеля Божии, Иезекииль и Иоанн, говорят о том, что это – неизбежная, страшная и тяжелая битва, в которой наше страдание соединяется с Крестной мукой Сына Божьего. Именно в скорби и муке этой битвы обретает смысл наше страдание, именно здесь оно становится животворным, потому что мы рядом с Богом, вместе с Ним. И, конечно, самое главное и для Иезекииля, и для Иоанна – благая весть о том, что Бог победил.

Говоря о вселенской битве против сил зла, которую ведет Господь, пророк Иезекииль возвещает нам самое главное, что необходимо для нашей надежды: Бог победит. Это будет полная и окончательная победа над злом, и о дне совершения ее пророк говорит от лица Господа: «И явлю святое имя Мое». Эти слова сразу обращают нас к последним главам Евангелия от Иоанна, где в Первосвященнической молитве к Отцу Небесному Господь Иисус говорит: «Я открыл имя Твое человекам», а также: «Отче! прославь имя Твое». Эти два текста, пророчество и его исполнение, теснейшим образом связаны друг с другом, и понимание всей 39-й главы книги пророка Иезекииля возможно именно в связи с Тайной вечерей и последней беседой Христа с учениками. Апокалиптическая картина битвы соответствует не внешнему ходу событий Страстной седмицы, но ее внутреннему духовному напряжению. Поражение полчищ Гога, о котором говорит пророк, буквально исполняется, когда Господь Иисус произносит слова: «Ныне суд миру сему, ныне князь мира сего изгнан будет вон».

После слов о том, что весь народ Божий будет участвовать в погребении пораженных сил зла, пророк изрекает волю Божию о некой жертвенной трапезе, и смысл его слов не может не поражать. В первую очередь эта жертвенная трапеза носит, как и битва со злом, вселенский характер. Вся тварь, включая птиц небесных и зверей полевых, приглашается к участию в ней. Это не просто храмовое жертвоприношение в соответствии с уставами Моисея и Соломона. Вся тварь участвует в нем, и на этой жертвенной трапезе в пищу идет плоть и кровь, употреб-

⁴¹ Ин. 15:5.

ление которой категорически запрещено. Кроме того, Господь говорит об этой жертве, что Он Сам заколет ее для нас, в то время как жертвы Ветхого Завета, напротив, заколются людьми для Бога. Следовательно, речь идет о чем-то из ряда вон выходящем, не об одной из жертв, но об уникальной единственной Жертве.

Детали ее сокрыты от взгляда пророка. Это неудивительно, потому что Воплощение Сына Божьего – слишком невероятная вещь, чтобы даже духовно одаренные люди могли постичь и выразить его прежде, чем оно совершилось. Тем более невозможно ожидать, что пророк, видящий в Духе суть события, но мыслящий в категориях своего опыта, мог говорить о Плоти и Крови Сына Человеческого. Тем не менее он видит и возвещает Жертву Господню, которая совершается в связи с Его победой.

Итак, победа Божия и установление царства Потомка Давида будут связаны, по слову пророка, с Жертвой, Которую принесет Сам Бог. Кроме того, установление этого Царства будет связано с трапезой, к участию в ней приглашается весь мир, все народы, которые увидят суд Божий, и вся тварь. Потому трапеза становится одним из самых распространенных символов Царства Небесного в духовной традиции Израиля, следуя которой так часто будет обращаться к этому образу Господь Иисус Христос.

Завершается эта глава невероятными и неожиданными, но такими вожделенными для изгнанников словами о возвращении угнанных и рассеянных чад народа Божьего. За полвека до царя Кира и почти за шесть веков до Нового Завета пророк возвещает, что Бог, поразивший и очистивший Израиля, вновь соберет его на земле обетованной и уже не оставит его. И здесь, как и во всей книге, вновь пророк возвращается к важнейшей для него теме человеческой индивидуальности и личной ответственности. В отличие от других пророков, которые также возвещают о том, что в последний день Бог более не оставит народ Свой, Иезекииль говорит точнее: «Уже не оставлю там ни одного из них... потому что Я изолью Дух Мой». Иными словами, обетованное излияние Духа приведет к тому, что ни один человек не будет удален от Бога, но Бог будет рядом с каждым человеком. Снова мы видим у пророка Иезекииля предвозвещение той невероятной близости Божьей, которая будет дарована в день Пятидесятницы.

Трудно сказать, сколько времени прошло после пророчества Иезекииля о победе Бога в битве со злом, когда пророк возвестил народу о грядущем возвращении, до следующего пророчества. Вероятно – несколько лет, в течение которых слушатели пророка ждали, скорее всего, когда же наступит исполнение обетования. Но, как говорит Своим ученикам Господь Иисус Христос, не наше дело знать времена и сроки, которые положил в Своей власти Бог. Иезекииль ни словом, ни намеком не говорит об этом. Даже в печальный юбилей – двадцатипятилетие плена, когда вопрос о сроках возникает сам собой, пророк не на это обращает свое внимание. В эти дни сердце пророка обращается к Господу, и Господь дает ему последнее масштабное видение.

Как и в начале книги, пророк старается описать то, что было ему явлено, и слова его представляют собой почти наглядное изображение. В этом видении Господь являет пророку грядущее Царство Божие, и в центре его – самое главное, что наполняет трепетом сердце самого пророка и всех его слушателей и читателей: новый Храм. С высокой горы, почти с высоты птичьего полета, видит пророк это чудо. Характерно, что абсолютное большинство людей всех поколений уверены, что именно такова «точка зрения» Бога на наш мир: с недостижимой высоты взирает Всемогущий на дела рук Своих. И вот Иезекииль как бы ставится на эту точку зрения и оттуда может обозреть грядущее, сокрытое для смертных. И, как впередсмотрящий, заметивший на горизонте желанную землю, возвысив голос, сообщает о ней всему кораблю, так пророк в восхищении описывает увиденный им Храм.

Что ждет нас впереди – мучительный вопрос, и в ходе истории он не становится ни легче, ни яснее. Куда идет мир, исковерканный человеческой жестокостью и своекорыстием, есть ли надежда для погибающего человечества? Как и большинство пророков, Иезекииль

духом постигает ответ на этот вопрос, и обетование победы Божьей и Царства будущего века само свидетельствует о своем божественном происхождении: подобный оптимизм не вытекает из опыта людей. Поэтому грандиозным событием духовной жизни пленных израильтян становится сам факт того, что будет новый Храм. С этого момента вся жизнь в плену приобретает смысл: изгнанникам есть чего ждать и есть на что надеяться. Без этого пророчества Иезекииля был бы невозможен и призыв к возвращению, который через несколько лет прозвучит из уст Второисайи.

В самом описании нового Храма, занимающем три главы, важно отметить несколько аспектов. Некий таинственный муж, сияющий, как медь, измеряет все детали Храма. В руках его льняная вервь и трость измерения – обычные в древности орудия строителя. Для Библии они, в первую очередь, символы Премудрости Божией, полагающей меру земле. В словах, обращенных к Иову, Господь восклицает из бури: «Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? или кто протягивал по ней вервь?» – и те же мера и вервь присутствуют в видении Иезекииля. В отличие от Соломонова Храма, построенного по образцу древних хананейских святилищ, в отличие даже от Второго Храма, который Ездра, а потом Ирод старались устроить по указанной Иезекиилем мере, тот будущий Храм, который видит сам пророк, построен по мере Божественной Премудрости. Не человеческие усилия, но Премудрость Творца созидает его для людей. Именно это делает видение пророка не просто предвидением недалекого будущего, но откровением о конце времен и цели истории. Неудивительно поэтому, что будущий Храм оказывается гармоничнее Соломонова Храма, и многие особенности его конструкции проникнуты глубоким символизмом.⁴²

Кроме того, читателю бросается в глаза тесная связь видения Иезекииля с двумя жизненно важными библейскими текстами, с началом и концом Священной Истории. Описание Храма, составленное Иезекиилем, живо напоминает описание Скинии, в которой Бог обитал посреди Своего народа в пустыне. Это описание, занимающее значительное место в Пятикнижии, поражает обилием деталей и является существенной частью Моисеева завета. Как присутствие Божие в Скинии было смыслом Синайского завета, так и смысл нового Иезекиилева Храма – в присутствии Бога среди людей. Как Скиния в Пятикнижии, так и новый Храм в книге Иезекииля становятся знаменем Завета с Богом. И, конечно, невозможно не вспомнить, что Новый Иерусалим описывает еще один пророк и тайновидец – евангелист Иоанн Богослов. В самом конце Апокалипсиса Иоанн говорит о городе и об Ангеле, который измеряет его тростью, в точности как в видении Иезекииля. Характерно, что если Иезекииль видит, в сущности, только чертеж (так и хочется сказать – черно-белый), то описание Иоанна сверкает ярчайшими красками всех драгоценных камней. Прекрасно знавший текст Иезекииля, евангелист Иоанн говорит о Новом Иерусалиме: «Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель – храм его», – и эти слова выражают основной смысл обоих видений.

Смысл детального описания Храма, которое приводит пророк Иезекииль, в первую очередь, заключается в самой этой детальности. Этим подчеркивается для самого пророка и особенно для его слушателей подлинность и реальность его видения. Оно настолько ясно, что можно измерить все помещения Храма, все его части. Однако это не просто гомилетический прием, призванный воздействовать на слушателей. Логика слова пророка состоит в том, что туманное и неопределенное будущее невозможно было бы описать в точности. Как о разрушении Храма Господь говорил, что оно сбудется непременно, и ничто не в силах предотвратить его, так и слово о восстановлении есть предвидение того, что в какой-то незримой реальности, в ином измерении времени уже совершилось. Иезекииль говорит не о здании, которое еще только может быть построено, но о том, что в вечности оно уже существует.

⁴² Иов. 38:4—5.

Кроме того, пророк полагает, что его слушателям или, в крайнем случае, их детям, предстоит собственными руками строить этот Храм, хотя в вавилонском плену еще нельзя об этом и помыслить. И в предвидении этого пророк стремится снабдить народ Божий, возможно, более точным описанием предстоящей постройки.

Самое важное для пророка в этом описании – Святое Святых, место пребывания ковчега Завета, жертвенник и все необходимые для культа помещения. Ведь их наличие в будущем Храме можно объяснить только тем, что в нем будет возобновлено поклонение Единому, и Храм снова станет местом Его присутствия. Значит, то обращение к Вседержителю, которое в Вавилоне силой обстоятельств остается неполным, найдет в будущем Храме свое завершение в будущих богослужениях.

В первой половине книги пророк записывает слова Всемогущего об изгнанниках: «Я Сам буду для них некоторым святилищем». И в течение четверти века это слово исполнялось день за днем. Только жертвы не приносились во вновь родившейся синагоге, потому что они должны приноситься только в Иерусалиме. И теперь, в видении грядущего Храма, времена и сроки смещаются и соединяются, давая людям почувствовать вкус вечности. Поклонение и молитва могут приноситься Богу иудеями в Вавилонии, потому что в божественном Замысле уже существует будущий Храм, который их детям еще предстоит построить!

Такое рассуждение антилогично, оно опрокидывает человеческие представления о причинах и следствиях, потому что коренится в ином представлении о причинности. Единственная ее основа – воля Творца, исполнению которой не может противостать ничто. Раз определенная, эта воля не меняется и не может не исполниться, потому что Бог – единственная реальная сила в этом мире.

Иезекииль видел Славу Господню покидающей Храм, и теперь он видит Ее возвращение. Сам пророк подчеркивает одинаковость обоих видений. Только на малое время отходил Господь от Своего Дома и Своего народа, чтобы совершилось покаяние и очищение Израиля. Верность Его Завету с Авраамом, Моисеем и Давидом оказалась превыше всего, даже полное и окончательное падение избранного народа не превозмогло ее. Этим видением возвращения Присутствия Божия не отменяется все, что произошло с Иерусалимом, не отменяется трагичность его судьбы. Но во мраке его истории появляется свет, на который люди не имели права и не смели надеяться. Видение возвращения Славы Господней совершенно меняет эмоциональную окраску всей книги пророка Иезекииля. Исполненная ужаса перед лицом опаляющей Святости Божией, она становится благовестием надежды.

Но Господь, как это бывает почти всегда, говорит о большем, чем просто восстановление попорченного и расторгнутого завета. Если люди устыдятся своих поступков, повелевает Он, то надлежит пророку возвестить им о грядущем Храме. Но место пребывания Божия, Святое Святых, уже не ограничивается в нем только малым помещением в глубине здания: все пространство вокруг его – Святое Святых. И в этом священном пространстве Присутствия Господь дает новый устав о жертвоприношениях. Здесь важны не столько сами по себе детали устава, сколько то, что речь идет об общении с Богом. Ведь жертва в Ветхом Завете в первую очередь является трапезой, на которую мы смиренно приглашаем Всемогущего, и Он снисходит к нашим скромным дарам. Едва ли случайно, что центром жизни возвещенного Иезекиилем Нового Завета станет именно священная трапеза, за которой мы становимся, по слову апостола Павла, своими Богу.

В 43-й главе есть важная деталь, не позволяющая считать увиденное пророком просто возобновлением того культа, что совершался до вавилонского плена. Господь говорит, что в обновленном Иерусалиме Храм уже не будет стена к стене соседствовать с домом царя. Тем самым царство мира сего, хотя и продолжающее существовать, отстраняется от Царства Божьего. Все еще важное и нужное, оно перестает быть сущностной частью духовной жизни народа. Свет Иерусалима, к которому немного позже призовет Второисайя все народы мира,

сияет только из Храма, потому что это Свет Христа, и поклонение Ему совершается в духе и истине.

Ключевое слово для понимания всей 44-й главы книги пророка Иезекииля – благоговение. Уже произнесено пророком обетование об очищении, спасении и восстановлении Израиля. Господь обещал, что в завете мира, который Он заключит с народом, людям будет дарован Дух Божий, Который направит наши сердца к исполнению воли Вседержителя. Мессия будет Пастырем Израиля, Который поведет народ по пути жизни. Но пророк говорил и о том, что каждый человек сам отвечает за себя и свой нравственный выбор, значит, духовная свобода людей ничем не нарушается. Именно поэтому в пророчестве о новом Храме так важен призыв не повторять того, что привело к гибели Соломонова Храма. Завет мира и наитие Духа Божия, таким образом, не «зомбирование», в результате которого люди автоматически становятся праведными, но именно путь, который открывает Господь. Идти по нему можно только добровольно.

В новом Храме служение Богу возобновляется на основе того духовного опыта, который Израиль приобрел за годы плена, и этот опыт в первую очередь требует воспринимать святость Божию всерьез. Установления об удалении от греховной скверны и порядок богослужбной жизни в Храме не должны восприниматься как человеческое изобретение, которым можно и пренебречь. Пусть до плена многие в Израиле думали, что Бог не замечает малосущественных нарушений («Бог не увидит»). Отныне все знают, что это не шутки: близость Божия явлена народу самым недвусмысленным образом. Израиль призван приближаться к Богу с радостью и трепетом потому, что он знает, что Бог Авраама, Исаака и Иакова – Бог живой и истинный.

Помилование, результатом и выражением которого стало пророчество о новом Храме, было даровано Израилю не за заслуги. Только ради имени Своего совершает Господь Свое спасительное вмешательство, только ради Своей милости. И поэтому Израилю предстоит научиться жить и предстоять Богу с этим опытом незаслуженного прощения, опытом спасения от добровольно выбранной им и заслуженной гибели. Это далеко не простая духовная задача. Требуется огромное доверие к Богу, чтобы принять тот факт, что мы прощены не потому, что мы чем-то хороши, но только и исключительно потому, что Бог свят. Никакие подвиги не могут снискать нам милость Творца, Он спасает нас только потому, что Он благ. Благоговение к святыне, о котором говорит пророк в этой главе, – единственно возможное отношение к Богу, Который спасает людей ради Своей, а не их святости. Благоговение, непостижимая смесь поклонения, радости и страха, будет вести народ в отношениях с Богом.

Научиться этому трудно, потому что для этого нужно учиться смирению, доверию к Богу и любви к Нему. В сущности, та трепетная близость к Незримому, о которой говорят изложенные в 44-й главе богослужбные установления, только и возможна как плод любви к Богу. Кто может исполнить это?

С древности Церковь считала начало 44-й главы пророчеством о Деве Израиля, Единственной, на Чье смирение призрел Господь. О Деве, Матери Христа, говорят слова о закрытых вратах: «Ворота сии будут затворены, не отворятся, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены». Она обрела благодать у Бога, и Ее смирение и любовь к Нему прообразованы словами (стиль) Иезекииля о том, как Израиль должен служить Богу. И к Ней же, наверное, можно отнести заключительные слова этой главы о том, что Сам Господь будет уделом Своих служителей, источником их жизни.

Жизнь спасенного Израиля, как ее описывает в последних главах своей книги пророк Иезекииль, сосредоточена вокруг Храма. В ней не может быть места повторению того, что стало причиной гибели страны. И поэтому пророк подробно передает слова Господа об устройстве страны, о месте и обязанностях князя и основах экономики. Сам по себе этот факт имеет определяющее значение, потому что здесь закладываются основания нравственного устройства общественной жизни.

Пророк подчеркнуто избегает говорить о царе и царстве в Иерусалиме: лет за тридцать до времени этого пророчества пророк Иеремия возвестил прекращение власти династии Давида. Не будет более в Израиле царей, доколе не придет Христос, Сын Давидов. Не исключено, что Иезекииль ясно видел, что в будущем не будет у Израиля и полной политической самостоятельности, но его духовная уникальность будет сохраняться в рамках мировых империй (Персидской, Александра Македонского, а потом Римской). Так или иначе, пророк говорит о князе, власть которого весьма ограничена.

И здесь как нечто само собой разумеющееся пророк возвещает совершенно удивительные вещи. Основные обязанности князя, о которых пророк считает нужным сказать, – религиозные. Он приносит жертвы за весь народ, представляет его перед Богом. Можно сказать, что князю поручается некоторая ответственность за народ. Для древнего Востока, да и для более поздних обществ, эта мысль звучит весьма неординарно. Еще в Российской империи последний император в вопросе переписи населения о роде своих занятий писал «хозяин земли русской», тем более в этом духе мнили о себе государи древности. Но в книге пророка Иезекииля на князя не только возлагаются определенные обязанности, но и права его существенно ограничены.

В допленную эпоху цари и их приближенные нередко силой и неправым судом отбирали у своих подданных землю, основной источник пропитания людей. Весьма ярко рассказывают об этом главы 3-й книги Царств, посвященные пророку Илии. Обличают эти жестокие проявления власти и поздние пророки, включая Иеремию и самого Иезекииля. Кровь, которой Израиль обгалял Святую землю, как говорит об этом Иезекииль, проливалась в борьбе с князьями за земельные участки. В обновленном Иерусалиме князю запрещено покушаться на землю своих подданных. Земельная доля князя ясно определена, и пророк подчеркивает, что это делается для того, чтобы князья впредь не теснили народа Божьего.

Но требование справедливости, требование не причинять зла слабым и беззащитным, распространяется не только на князя. Всему народу повелевает Господь содержать правильные меры веса. Обратим внимание, что в то время это одновременно подразумевало и честность в установлении валютных курсов. Специально определяет пророк и порядок передачи земель по наследству. Иными словами, у стен нового Храма не может быть экономических махинаций, торгового обмана. Тем самым пророк дерзает давать нравственную оценку и государству, и экономической жизни общества, на что мы далеко не всегда решаемся. Главный смысл его слов в том, что обман и ограбление бедных и беззащитных – грех перед лицом Вседержителя.

Точно так же приводимый Иезекиилем порядок жертвоприношений, которые должен совершать князь, лишают его власти в области духа. Многие допленные цари Северного и Южного Царств считали себя вправе приступать к жертвеннику по собственному разумению и устраивать религиозную жизнь по своему усмотрению. Большей частью это выражалось в том, что цари допускали, а порой и насаждали чужеземные языческие культы; это делали и Соломон, и большинство его потомков, вплоть до Манассии. Лишь изредка, как во времена Езекии и Иосии, голос веры и совести звучал в сердце и поступках царей. Но отныне участие князя в почитании Бога строго регламентировано, и тем самым подчеркивается, что перед Богом князь – такой же человек, как все. Пророк специально говорит, что когда весь народ приходит пред лице Господне, князь «должен находиться среди них; когда они входят, входит и он; и когда они выходят, выходит и он». Для древнего мира, где государь нередко был не только верховным жрецом, но часто и земным богом, это абсолютно уникальная позиция. В словах пророка мы видим своего рода предзнаменование обличений, которые первые христиане бросали в лицо римской власти, принуждавшей их поклоняться императору.

Весьма важно, что пророк не только разграничивает светское и религиозное в жизни спасенного Израиля. Нравственная оценка светской жизни с точки зрения закона Божьего подразумевает, что в жизни Божьего народа нет ничего, что было бы религиозно индифферентным:

вся его жизнь должна быть служением Богу. Когда Господь скажет искушающим Его книжникам: «Отдавайте кесарю кесарево, а Божие – Богу», в Его словах отзовется пророчество Иезекииля о том, что Царство Божие несравненно выше царств мира сего.⁴³

В заключительных главах своей книги пророк Иезекииль описывает устройство Святой земли и распределение земли между коленами Израилевыми. Но в этом «техническом» тексте мы видим несколько исключительно важных деталей. Как и в предыдущих главах, эти детали подчеркивают, что пророк говорит о чем-то большем, чем просто земное устройство. В его словах звучат апокалиптические ноты, удивительным образом сочетающиеся с «проектом земельного кадастра» для обновленного народа Божия.

47-я глава начинается пророчеством о потоке, исходящем из-под порога Храма. В земном Иерусалиме на Храмовой горе ему нет реального соответствия, и потому описание пророка следует воспринимать как символ некоей духовной реальности. Иезекииль говорит, что этот поток, текущий из Дома Божия, напояет всю землю и животворит все, через что он протекает. По берегам потока все расцветает, воды его изобилуют рыбой, и даже воды моря, в которое он впадает, становятся «здоровыми», пригодными для питья. Такими красками пророки всегда изображают землю, преображенную в день воцарения Всемогущего, в день Его победы над грехом и смертью.

Поток Иезекииля в общебиблейском контексте следует сопоставить с водой, которую дает Господь Иисус Христос и которая становится в нас «источником воды, текущей в жизнь вечную». Иезекииль таинственным образом видит и возвещает нам те «реки воды живой», которые, по слову Христа, переполняют верующих в Него. В видении Иезекииля эта животворная вода истекает из Храма, где присутствует Бог; пророк Захария говорит о живых водах, которые в день Спасения потекут из Иерусалима на восток и на запад; в рамках Ветхого Завета в целом эта живая вода воспринимается как символ животворящей благодати Божьей, символ того Духа, Которым сердца людей из каменных превращаются в плотные. В Новом Завете евангелист Иоанн открывает нам, что речь идет не о символе: это та самая вода, что истекает из пронзенного сердца Сына Божьего. И тот же евангелист Иоанн свидетельствует в Откровении об этой «реке воды жизни», «исходящей от престола Бога и Агнца».^{44 45 46 47 48}

Описывая далее разделение земли между коленами Израилевыми, Иезекииль соотносит его с тем, что должно было совершиться в рамках нарушенного Израилем Синайского завета. Тем самым мы видим, что в спасенном и обновленном Иерусалиме Синайский завет находит свое исполнение. То, что не состоялось из-за неверности и греха людей, все же будет исполнено, когда Сам Бог придет спасти народ Свой и заключить Новый Завет. И вновь нельзя не вспомнить о словах Господа Иисуса, пришедшего «не нарушить закон, но исполнить». Господь говорит о законе, который по грехам нашим не мог быть нами исполнен без Христа и без излияния Духа Святого, и эти Его слова тоже тесно связаны с пророчеством Иезекииля.⁴⁹

В пророчествах о соседних с Израилем странах и народах Иезекииль говорил, что замысел Творца о спасении простирается и на них. Эта мысль находит поразительное для Ветхого Завета продолжение в конце 47-й главы. Говоря о разделе земли, пророк возвещает волю Божию о том, чтобы иноземцы, живущие среди избранного народа, считались наравне с природными жителями Святой земли и тоже получали земельный надел. Эти слова резко контрастируют с повелениями Пятикнижия об отделении от иноплеменных. Это тоже деталь, несо-

⁴³ Мк. 12:17.

⁴⁴ Ин. 4:14.

⁴⁵ Ин. 7:38.

⁴⁶ Зах. 4:8.

⁴⁷ Ин. 19:34.

⁴⁸ Откр. 22:1.

⁴⁹ Мф. 5:17.

мненно относящаяся к чаемому нами Царству будущего века: даже при возвращении Израиля из вавилонского плена Ездра и Неемия продолжают, в духе Пятикнижия, добиваться отделения от иноземцев. Время единства всех людей перед Богом настанет не по возвращении из плена, но в конце времен. Лишь тогда, с приходом Христа, в Церкви Нового Завета исполнится то, о чем говорит здесь Иезекииль, а после него – Второисайя и Захария.⁵⁰

В последней, 48-й главе, Иезекииль подробно повествует о том, как следует разделить землю Израиля. Принципиально для него, что это разделение земли основывается не на удачливости или силе колен, но на воле Владыки неба и земли. Речь идет не о немогущей человеческой «социальной справедливости», но о правде Божьей. Последняя так же животворна по сравнению с первой, как воды истекающего из Храма потока животворны по сравнению с горькими водами Мертвого моря. В центре всей земельной системы – земля Храма, земли князя выделяются наравне с землями колен Израилевых. Понятно, что тем самым решительно сужается сфера княжеской власти и возможности его произвола. Центральное положение Дома Божия, места присутствия Славы Господней в мире подчеркивается вновь в последних словах книги, где пророк говорит о вратах Иерусалима, открытых всем. Эта открытость и Присутствие обуславливают новый смысл существования народа Божия и Иерусалима, выраженный в его имени: «Господь там».

Иез. 1

Иез. 2—3

Иез. 4

Иез. 5

Иез. 6

Иез. 7

Иез. 8—10

Иез. 11

Иез. 12

Иез. 13

Иез. 14

Иез. 15

Иез. 16

Иез. 17

Иез. 18

Иез. 19

Иез. 20

Иез. 21

⁵⁰ Ис. 60:3, Зах. 8:20—23.

Иез. 22

Иез. 23

Иез. 24

Иез. 25

Иез. 26

Иез. 27

Иез. 28

Иез. 29

Иез. 30

Иез. 31

Иез. 32

Иез. 33

Иез. 34

Иез. 35

Иез. 36

Иез. 37

Иез. 38

Иез. 39

Иез. 40

Иез. 41—42

Иез. 43

Иез. 44

Иез. 45—46

Иез. 47—48

О, если бы Ты расторг небеса и сошел *Исайя Вавилонский (Ис. 40:1—66:24)*

В середине и второй половине 6-го века до Р. Х. в Вавилоне, а затем, вероятно, в Иерусалиме, жил и действовал неизвестный по имени пророк; быть может, он принадлежал к целому пророческому движению, наследовавшему традиции Исайи Иерусалимского. Вскоре после того, как его пророчества были записаны, их стали объединять с книгой Исайи Иерусалимского в единый свиток; в результате слова обоих пророков оказались объединены под общим заглавием «книга пророка Исайи». Под этим названием книга как единое целое, включая и речения безымянного вавилонского провидца, вошла в состав Священного Писания.

Объединение текстов Исайи Иерусалимского и вавилонского пророка в единую книгу может объясняться, впрочем, и не принадлежностью последнего к школе Исайи. Книга Исайи Иерусалимского завершается пророчеством о грядущем вавилонском плене; книга вавилонского пророка посвящена освобождению народа из плена. Нельзя исключить, что древние редакторы объединили эти тексты по тематическим, а не по генеалогическим соображениям. Наконец, правдоподобным выглядит и предположение, что направленные против Вавилона высказывания пророка могли быть для него небезопасными; этим может объясняться анонимность его текстов. Так или иначе, это не меняет нашего отношения к книге пророка Исайи как к целостному боговдохновенному тексту, одному из центральных в Священном Писании Ветхого Завета.

Для различения двух частей книги и их авторов принято именовать автора второй половины книги Исайей Вавилонским или Второисайей (нельзя исключить, что вавилонский пророк мог и в самом деле быть тезкой Исайи Иерусалимского). Исследователи Библии выделяют, кроме того, последние главы Ис и предполагают существование еще одного, третьего автора, именуемого ими Тритоисайей. Вполне возможно, что у этой гипотезы есть реальные основания; тем не менее для чтения и понимания книги гораздо важнее различить авторов и время написания первой и второй половин. Различие двух авторов второй части (Второисайи и Тритоисайи) отчасти сглаживается сходством контекста их служения.

Религиозно-историческим фоном проповеди Второисайи послужили масштабные события, связанные с крушением Вавилонской державы под ударами персов. Царство Набопаласара и его потомков, раздираемое внутренними противоречиями, оказалось неспособно противостоять персидскому завоеванию. Около 556 г. до Р. Х., при Набониде, в Вавилонии была сделана попытка ввести обязательный для всех, включая и переселенцев, культ лунного бога. Отказ от участия в этом культе расценивался, в лучшем случае, как проявление нелояльности, а то и как государственная измена. Иудеи, для которых поклонение чужому богу было равносильно отказу от своей веры и, одновременно, от своей национально-религиозной идентичности, подверглись при Набониде наиболее серьезным преследованиям. Впрочем, религиозная политика Набонида была направлена не столько против иудеев, сколько против вавилонского жречества. Так или иначе, от этой политики разительно отличалась относительная религиозная и этническая терпимость персов, сулившая перемену участи народов, выселенных вавилонянами из их родных пределов. Поэтому когда около 550 г. до Р. Х. персидский царь Кир начал свои завоевания, переселенцы (а к ним относились не только иудеи, но и многие другие ближневосточные народы) восприняли войско Кира как освободителей, и это ускорило распад Вавилонского царства.

Духовная жизнь иудеев эпохи Плена, сосредоточенная преимущественно в Вавилонии, складывалась вокруг двух главных ориентиров. С одной стороны, согласно проповеди пророков конца 7-го – начала 6-го вв., необходимо было принять Плен как заслуженный результат

допленной иудейской истории; страдания лишенных родины переселенцев рассматривались как своеобразная очистительная жертва. Принять Плен как волю Всемогущего, очистить жизнь и неукоснительно следовать Закону (насколько это возможно) – вот что должно было стать плодами покаяния, принести которые призывала иудеев родившаяся в условиях Плена синагога. С другой стороны, все большее значение приобретала надежда на непреложность обетований Божьих, надежда на избавление из Плена. Горький хлеб изгнания и слезы угнетенных, лишенных в Вавилоне почти всех гражданских прав, укрепляли чаяние утешения от Бога.

Таков духовный контекст конца эпохи Плена, когда прозвучали первые проповеди Второи́сайи. Служение пророка продолжалось, вероятно, не один год; заключительные главы, скорее всего, были записаны уже после возвращения, в Иерусалиме – и, быть может, третьим Исайей.

Нередко среди постигающих человека бедствий в его сердце рождается ощущение того, что сроки отмерены и невзгоды не будут продолжаться вечно. Эта необъяснимая надежда придает людям мужества; не менее важно, что испытания тогда начинают казаться осмысленными. Мы называем это «светом в конце тоннеля». Часто мы приписываем подобное переживание судьбе или собственному оптимизму. Исайя Вавилонский в начале своих речений тоже говорит о надежде – но для него у этой надежды нет иного источника, кроме Самого Бога.

Плен не будет бесконечным, Бог вспомнит Свой народ и выйдет, чтобы возвратить ему свободу. «Господь Бог грядет с силой и мышца Его со властью» – эти слова живо напоминают то, что Бог сказал Моисею перед избавлением народа из египетского плена. «Как пастырь Он будет пасти стадо Свое» – совсем недавно, не более четверти века назад, уже в Вавилонии, говорил об этом пророк Иезекииль. Но для Иезекииля и его слушателей то, что Бог Сам будет пастырем Своего народа, было обетованием отдаленного будущего; времена и сроки избавления оставались скрытыми от изгнанников, из которых почти никто не дожил до него. Исайя же говорит о том, что уже происходит, что уже близко, «при дверях».

Призыв Божий Исайя выразил одним-единственным словом: «Голос говорит: возвещай!» Пророк отвечает на это сетованием на участь своего народа: «Что мне возвещать?» Он сравнивает народ с травой, засыхающей от дуновения ветра. И в ответ на это Господь дает пророку увидеть грядущее явление Своей славы и милосердия. Исайя призван возвестить, что время, когда Бог станет Добрым Пастырем Своего народа, наступает.

Воодушевленный этим обещанием, Исайя произносит начальные слова главы: «Утешайте, утешайте народ Мой!» Время испытаний, время борьбы и очищения закончилось, наступил день, когда Бог идет избавить людей. Вся библейская история наполнена этим обетованием и его исполнением, она становится своеобразной хроникой приближения Бога. Каждое следующее событие опирается на предыдущее, как на прообраз. Исход из Египта был первым; избавление Иерусалима от ассирийцев и возвращение пленников из Вавилона продолжают этот ряд спасительных действий Божьих, предворяющих избавление полное и совершенное. Исайя Вавилонский вполне понимает это, и большая часть его слов посвящена именно будущему окончательному спасению.

Зримый образ приближающегося утешения предлагает Исайя в знаменитых 3—5 стихах этой главы. Когда фарисеи потребовали у Иоанна Крестителя отчета о его служении, Предтеча сослался именно на эти слова Исайи и назвал себя гласом вопиющего в пустыне. В устах Предтечи эти слова стали указанием на явление славы Божьей в Господе Иисусе Христе. Исайя Вавилонский, скорее, напоминает слушателям и читателям о том, как в недавнем видении пророка Иезекииля слава Господня покидала Храм и Иерусалим. Ныне, говорит Исайя, «всякая плоть» увидит возвращение этой славы. «Всякая плоть» – не только страдающий Израиль, но и все человечество увидят это явление славы Божьей. Эти слова, в свою очередь, напоминают нам еще два важных текста, свидетельствующих о приходе Христа. Иов говорит о своей встрече с Богом: «Своими глазами я Бога узрю»; евангелист Иоанн в прологе своего евангелия говорит: «И Слово стало плотью... Бога не видел никто никогда; Единородный Сын,

сущий в недре Отчем, Он явил». Исайя говорит о явлении славы Божьей, которую люди увидят не только духом, не только в доступном избранным мужам пророческом видении, но «всякая плоть» увидит Его славу собственными глазами.

Слова пророка непреложны, потому что «уста Господни изрекли это», – никакие земные, человеческие причины не обуславливают чуда Божественного милосердия. Потрясенный этим, Исайя Вавилонский во второй половине главы воспекает гимн величию Творца. Сила и единственность Бога таковы, что никто и ничто не может сравниться с Ним, нет никого, кто мог бы быть подобен Богу. Гимн Ис. 40:12—26 наполнен нескрываемым сарказмом по отношению к язычеству; в словах пророка ясно узнается Вавилон и его религиозная жизнь. В сопоставлении с Творцом мира идолопоклонство вавилонян выглядит нелепым, оно лишь оттеняет подлинное величие Всемогущего. Вот, сколь велик Тот, Кто вспомнил о нас и идет избавить нас – говорит пророк.

Верность и сила Божьи могут стать для Израиля источником мужества, позволяющим выстоять в трагическом испытании. Заключительные слова главы напрямую связаны с первыми: Бог всемогущ, и милость его неотменима – отсюда берут начало надежда и утешение, возвещаемые пророком.

В плену сердца многих израильтян одолело отчаяние, «дело мое забыто у Бога моего» – так говорили или думали те, кто внутренне сдался вавилонянам. Это мрачное ощущение на практике вело к тому, что поколение, родившееся в плену, стало устраивать жизнь в Вавилонии, забыв о возвращении «на историческую родину». В принципе, в этом нет ничего плохого, если бы речь шла не о людях, избранных Богом для того, чтобы быть Его народом. Забвение Иерусалима и таяние веры в замысел Божий, желание быть «как все народы» равносильно отказу от Самого Бога. Об этом говорит Исайя в последних стихах 40-й главы. Поразительно в этих словах то, что пророк не столько обличает, сколько утешает и укрепляет. Об отказе израильтян от своего призвания пророк упоминает вскользь, как о чем-то маловажном. Малодушие – тяжкий грех, но призыв Божий звучит, чтобы дать выход из него.

Заключительные слова 40-й главы говорят о вере, которая становится опытом; упование на Бога находит подтверждение в реальных событиях и поэтому дает верующим силу жить и следовать воле Творца. Выражением этой веры является верность заключенному на Синае Завету. Именно благодаря своей верности Израиль на опыте познает верность Самого Бога – Избавителя.

Итак, по словам Исайи Вавилонского, по сравнению с идолами, занимающими воображение язычников, Единый Бог Израилев – настоящий Бог, и Его воля, в отличие от вымышленных божеств, – действующая в мире реальная сила. Но слова Исайи о том, что именно Единый Бог сотворил небо и землю и все воинство их, вполне могли быть оспорены язычниками. Любой язычник может сказать, что именно его боги создали мир. Идеи вечного существования материи, а тем более представления о мире, возникающем и развивающемся без организующего разумного начала, всегда были глубоко чужды людям; их популярность в 19 и 20 веке скорее казус, нежели плод естественного развития человеческой мысли. Между тем любая религия так или иначе объясняет происхождение тварного мира: это одна из сущностных черт религии как таковой. Поэтому вавилоняне, поклонявшиеся своим богам, равно как и сторонники введенного Набонидом культа лунного бога Сина, могли счесть утверждения Исайи и других иудейских апологетов и мыслителей о Едином Боге, сотворившем небо и землю, голословными.

Для веры Израиля принципиально важно было не только богословское утверждение о том, что именно Господь, открывшийся Аврааму и Моисею, – Творец неба и земли, но и то, что Он – Бог, реально вмешивающийся в человеческую историю. Первая заповедь Ветхого Завета гласит: «Я – Господь Бог твой, Который вывел тебя рукою крепкою из Египта, из дома рабства». Бог предлагает идентифицировать Себя не с определенными космогоническими представлениями, а с конкретными историческими событиями, убедительность которых оче-

видна. Для библейского монотеизма, как ветхозаветного, так и христианского, космогонические представления о сотворении мира, при всей их важности, все же занимают подчиненное положение – в отличие от гностических и многих языческих религиозных систем. Поэтому хвалебный гимн, который Исайя воспекает Творцу и Избавителю, продолжается в 41-й главе возвещением нового действия Бога в истории. Призыв «Поднимите глаза ваши на высоту небес и посмотрите, кто сотворил их» продолжается словами: «Кто воздвиг от востока мужа правды... предал ему народы?..» Грамматическое сходство этих фраз отражает сущностное единство того, что говорится о Боге как о Творце и как об Избавителе, действующем в истории.

Речь идет о царе Кире, чьи победоносные войска уже приближаются к Вавилонии. Для угнетенных иудеев его приход – не просто долгожданное избавление, но знамение того, что Бог остается верен заключенному Завету. Исайя формулирует слово Господне о победах Кира в апокалиптических терминах. Всякое действие Божие апокалиптично, потому что это – вмешательство в человеческую жизнь чего-то большего, это – проявление в сегодняшней жизни того полновластия Божьего, которое в полной мере наступит в конце времен. Это представление о грядущем веке и его проявлениях в современности роднит Исайю Вавилонского с его Иерусалимским тезкой и предшественником и является одним из признаков принадлежности Второисаии к духовным наследникам Исайи Иерусалимского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.